

Österreichisches Multiscience Journal

VOL 1, No15 (2019)

Österreichisches Multiscience Journal (Innsbruck, Austria)

The journal is registered and published in Austria.

The journal publishes scientific studies, reports and reports about achievements in different scientific fields.

Journal is published in German, English, Hungarian,
Polish, Russian, Ukrainian, and French.

Articles are accepted each month.

Frequency: 12 issues per year.

Format - A4

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal

Edition of journal does not carry responsibility

for the materials published in a journal.

Sending the article to the editorial the author confirms it's uniqueness and takes full responsibility for possible consequences for breaking copyright laws.

Chief editor: Fabian Huber

Managing editor: Daniel Müller

Matthias Leitner - Leopold-Franzens-Universität Innsbruck

Moritz Winkler - Universität Salzburg

Philipp Mayr - Johannes Kepler University

Sebastian Berger - Medizinische Universität Wien

Sophia Hartl - Technische Universität Graz

Jonas Aigner - Alpen-Adria-Universität Klagenfurt

Elias Holzer - Donau-Universität Krems

Simon Lackner - Fachhochschule Wiener Neustadt

Marie Brandstatter- Fachhochschule Technikum Wien

Julian König - Management Center Innsbruck

«Österreichisches Multiscience Journal»

Editorial board address: Universitätsstraße 22, 6020 Innsbruck, Austria

E-mail: editor@osterr-science.com

Web: <http://osterr-science.com>

CONTENT

ECONOMIC SCIENCES

Busarieva T.

EVOLUTION APPROACHES TO THE STUDY OF THE
DEVELOPMENT OF TNC..... 3

Murinovich D., Prazdnov G.

“EVALUATION AND ANALYSIS OF MECHANICAL
INDUSTRY: CREATIVE AND INNOVATIVE
DEVELOPMENT OF ENTERPRISES IN THE CONTEXT OF
INVESTMENT RESOURCES DEFICIENCY”7

HISTORICAL SCIENCES

Valeev R.M., Vasylyuk O. D.,

Valeeva R.Z., Diakov N.N.,

Khayrutdinov D.R., Martynov D.Y.

LETTERS FROM A.Y. KRYMSKY TO V.R. ROZEN FROM
THE HOLDINGS OF THE ST. PETERSBURG BRANCH OF
THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES ARCHIVES11

JURISPRUDENCE

Goltsov V.B., Golovanov N.M.

LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC MEANS OF
PAYMENT UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN
FEDERATION..... 17

MEDICAL SCIENCES

Ashurov A., Khayruddinova Z.

ESTIMATION OF THE FUNCTION OF MUCOCILIARY
CLEARANCE IN PATIENTS WITH BRAIN INJURY21

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Ulyashkina G.

EVOLUTIONARY WAY TO SOLVE GLOBAL
PROBLEMS.....23

POLITICAL SCIENCE

Andreeva O., Ostapenko A.

INTERACTION OF PUBLIC AUTHORITIES AND CIVIL
SOCIETY IN THE HISTORICAL AND LEGAL
PROCESS.....26

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

Tapbergenov S.

PHENOMENON OF CONSCIOUSNESS OR THE
CONSCIOUSNESS AS AN INDEPENDENT ENTITY 30

ECONOMIC SCIENCES

EVOLUTION APPROACHES TO THE STUDY OF THE DEVELOPMENT OF TNC

Busarieva T.

*SHEE Kyiv National Economic University named after Vadim Hetman,
associate professor of the department of international economics*

Аннотация:

Начало XXI века характеризуется еще большим усилением процесса транснационализации мировой экономики. Транснациональные корпорации (ТНК) стали ведущим субъектом экономической деятельности государств в изменяющемся мировом экономическом пространстве. Отмечая эту тенденцию, исследователи пишут о наступлении «эры транснациональной экономики», новой «цивилизации транснационального бизнеса». Будучи на современном этапе одной из наиболее эффективных организационных форм интернационализации хозяйственной жизни, ТНК находятся в центре исторического процесса глобализации мирового общественного развития. Все многообразие существующих в экономической литературе толкований понятия «транснационализация мировой экономики», можно объединить в три наиболее часто встречающиеся группы. Во-первых, когда транснационализацию представляют как процесс усиления мировой интеграции в результате глобальных операций ТНК. Во-вторых, когда транснационализацию считают качественно новым этапом интернационализации хозяйственной жизни, который характеризуется резким ростом роли внешних факторов развития всех государств и созданием транснационального капитала. В-третьих, давая более узкое определение, относят транснационализацию к единственной и самой важной форме общего процесса интернационализации хозяйственной жизни.

Abstract:

The beginning of the 21st century is characterized by an even greater intensification of the process of transnationalization of the world economy. Transnational corporations (TNCs) have become the leading actor in the economic activities of states in a changing global economic space. Noting this trend, researchers write about the advent of the “era of transnational economy”, the new “civilization of transnational business”. Being at the present stage one of the most effective organizational forms of internationalization of economic life, TNCs are at the center of the historical process of globalization of world social development. All the variety of interpretations of the notion “transnationalization of the world economy” existing in the economic literature can be grouped into three most frequently encountered groups. First, when transnationalization is presented as a process of strengthening world integration as a result of global TNC operations. Secondly, when transnationalization is considered a qualitatively new stage in the internationalization of economic life, which is characterized by a sharp increase in the role of external factors for the development of all states and the creation of transnational capital. Third, by giving a narrower definition, transnationalization is the only and the most important form of the overall process of internationalization of economic life.

Ключевые слова: ТНК, этапы развития, транснационализация, теории, критерии

Keywords: transnational corporations, development periods, transnationalization, theories, criteria.

The activities of TNCs substantially determine not only the competitiveness of individual regions or countries, but also the general outlines of the modern and future world economy. Internationalization leads to the strengthening of interconnections of all components of the world economy, creates conditions for the universal globalization of economic development. Actually, TNCs are the main material carrier and driving force of this process. Forming close cooperation relationships between controlled enterprises on the basis of a single division of labor, TNCs lay a solid foundation for the integrity and interdependence of the global economy. The origin and development of transnational corporations is a historical process, the evolution of which falls into stages.

Modern TNCs are a complex community of structures formed at various stages of development. Each period of evolution gave rise to its own type of organization of TNCs, which often experienced the peak of their dominance and remained in a certain “ecological niche”. In the development of TNCs, five stages can be

distinguished, suggesting that certain features of transnational entrepreneurial activity appeared at the dawn of mankind. For example, in 2500 BC. the merchants of Mesopotamia . The methodology of research on microeconomics formed a staff of foreign employees to manage warehouse and trade operations, thereby establishing the first TNCs, and the Greek and Phoenician colonists carried out FDI to craft industries . However, the scale of such activity was insignificant, and foreign trade operations prevailed in international economic relations of antiquity[1,p.45]

The evolutionary method of research allows us to associate the emergence of TNCs with those that began at the end of the 15th century. a period of colonial expansion, when the leading powers began to actively organize the mining business and agricultural production in the colonies, and to determine the first component of the genesis of TNCs as a motive for accessing natural resources abroad

Large British and Dutch East India Companies (OIC), which were established in 1600 and 1602. accordingly, they had FDI: a fleet serving overseas trade

with Asian countries (including between colonies), plantation farms and factories in the occupied territories, and also formed a staff of foreign employees and actively used mechanisms to protect foreign property, which allows According to UNCTAD's definition, classify these companies as first TNCs. These companies significantly influenced the subsequent forms of the organization of TNCs and, in particular, the British OIC "was one of the main agents of major changes in world development that predetermined the arrival of a new era"

The enriched entrepreneurs and merchants became the founders of the OIC and initially contributed to these societies the shares that were returned to the owners after the completion of the trade expeditions (the principle of constant renewal of capital). Subsequently, companies began to issue shares in order to attract private capital on a permanent basis, and such securities were supposed to pay dividends and could be sold to others[2,p.624]

Over time, the OIC transformed into tools for managing colonial possessions with the transfer of a number of state prerogatives, such as the right to collect taxes, mint coins, maintain troops and navy, build fortified fortresses, have military field courts, wage war and make peace. Consequently, at the later stages of its life cycle, it is quite problematic to classify the activities of DEC as economic. In the late XIX - early XX century. the motive for organizing a transnational business in the primary sector of the economy was finalized and was due to the industrial revolution that started, which gave impetus to A. Sapuntsov The evolutionary approach in the economic research of the activities of transnational corporations 43 to the emergence of large plants and factories, which replaced the manufacturing method of production. New legal regulations on business regulation have led to an increase in the number of companies formed in the form of legal entities with limited liability. Technical progress in transport and communications (in particular, the invention of the steam engine and telegraph, the construction of railways) has expanded the ability of companies to manage foreign businesses.

Over time, the OIC transformed into tools for managing colonial possessions with the transfer of a number of state prerogatives, such as the right to collect taxes, mint coins, maintain troops and navy, build fortified fortresses, have military field courts, wage war and make peace. Consequently, at the later stages of its life cycle, it is quite problematic to classify the activities of DEC as economic. In the late XIX - early XX century. the motive for organizing transnational business in the primary sector of the economy was finalized and was due to the industrial revolution that started, which gave impetus to the emergence of large plants and factories that replaced the manufacturing method of production [8, p. 633-653]. New legal regulations on business regulation have led to an increase in the number of companies formed in the form of legal entities with limited liability. Technical progress in transport and communications (in particular, the invention of the

steam engine and telegraph, the construction of railways) has expanded the ability of companies to manage foreign businesses.

The increase in demand for commodities, including fuel and food, caused by industrial development, the expansion of production in the national economy was physically unattainable or unprofitable. Initially, these processes were traced in the UK and somewhat later spread to Western Europe and the USA, which gave companies based in developed countries a powerful impetus to implement FDI in the primary sector of developing countries. As noted by J. Dunning, in the 2nd half of the XIX century. "Firms in Europe and North America began to invest in large numbers in foreign plantations, mines, factories, banks, distribution centers and product distribution". It's not a problem, but it's not a problem. The following are the words of the era of the colonies. 2. Companies of the British Commonwealth.[3,p.168]

At the end of the XIX century the prerequisites for evolution in the structure of motives for foreign expansion of TNCs began to form, and the main motive was access to sales markets abroad, when the United States and most European countries adopted a policy of foreign trade protectionism and the principle of tariff escalation. For example, in 1913 the weighted average import tariff of the United States for manufactured goods was 44%, Japan - 30%, France - 21%, Germany - 20%. These processes contributed to the development of import-substituting industries and prompted the movement of FDI as an alternative to export supplies of manufactured goods from home countries, which, in the end of the 19th century, according to J. Dunning, led to the emergence of TNCs in their modern forms. Strategies for the formation of such TNCs were more in line with current trends in the transnationalization of companies: the establishment of foreign affiliates in the main consumer countries was preceded by a stage of activity as national exporting firms. Considering that the countries of the "North" had the greatest industrial potential and capacious sales markets, such a motive gave impetus to "cross-over" direct investments in the group of developed countries. The most advanced firms in the secondary sector of the economy, based in Great Britain, the USA, Germany, France, Switzerland, Sweden and Japan, began to develop production facilities abroad.

For example, after 16 years of successful production and export of sewing machines, the American company Singer organized in 1867 the first factory abroad (Scotland) in order to maximize direct sales to foreign consumers. By the beginning of the twentieth century. This company became the first global manufacturer in the history, having factories, sales and distribution centers in Europe, Canada and Russia, which allowed it to control about 80% of the global sewing machine market. Vertically integrated TNCs appeared - for example, the British company Lever Brothers built soap factories in Europe and North America, and also had plantations in the Asia-Pacific region, which produced the necessary plant materials.

The third stage covers the interwar period - the introduction of tough antitrust restrictions led to a wave

of mergers in 1916-1929, which gave rise to a large number of vertically integrated structures. The raw materials orientation of many early companies has been replaced by a focus on industrial production. The "Epoch of Colonies" is over, the "era of concessions" has begun. In the host countries, TNCs began to turn into a kind of "autonomous economic state." According to some estimates, never after have TNCs achieved such political influence in host countries as in the first half of the 20th century.

The fourth stage (1960-1970s) was characterized by a large number of conglomerate mergers covering various countries and industries. At the same time, in many countries, such as Germany or Japan, close intertwining of business structures is widespread, both through formal channels and on the basis of cross-directorates. As a result, the corporate hierarchy in a number of industries actually crowded out the mechanisms of the free market. As noted by X. Wissema, the use of growth strategies and the diversification of most business structures began to play a dominant role. At the same time, traditional TNCs are complemented by so-called multinational corporations (MNCs), which are characterized by transnational ownership structure.[4,p.56-57]

Access to foreign sales markets as a motive that determines the evolution of TNCs was fully manifested in the early 60s, when American FDI in the manufacturing industry of Western Europe — engineering, automotive, electrical and pharmaceutical industries — were characterized by a special dynamism (see table). French researcher J.-J. Servan-Schreiber wrote: "if such trends continue, soon after the USA and the USSR, the third center of importance for the world economy will not be Europe, but American TNCs doing business in Europe". The most important factor in such an investment expansion was the growing processes of European integration, including the formation of a customs union, which could potentially have a negative impact on US exports to the countries of the region. Under these conditions, American TNCs were actively used to penetrate the European market, since the national regime was granted to branches of foreign companies in Europe. In the 2nd quarter of the twentieth century, developing countries have almost completely lost their attractiveness for TNCs, and the geography of FDI flows has changed from the North-South direction to the North-North cross-investment. For example, in 1970, from this group of countries, FDI entered only South America, but its share in the global import of such investments was only 1.4%. This situation was largely due to the collapse of the colonial system and the desire of the governments of the liberated countries to obtain full sovereignty, including the ability to expropriate the property of foreign affiliates of TNCs. At the same time, the tendency to reduce the importance of developing countries as recipients of FDI in the 1960s – 1970s. It was also determined by the decline in the role of the primary sector of the economy in the global economy (during these years its secondary sector began to attract most of the global FDI), and the narrowness of the national sales markets of developing

countries and their underdevelopment did not allow TNCs of developed countries.

The methodology of researching microeconomic problems to the least apply investment strategies in manufacturing industries in the countries of the "South" in the 60s. The CMEA member countries also somewhat intensified the activities of their trading companies, which owned property abroad and were engaged in the business of developing mineral deposits and primary processing of raw materials, while the construction of industrial and energy enterprises took the form of engineering services.

The fifth is the period of the 1980s – 1990s. As a result of the crisis of the 1970s, further diversification processes were halted and there was a dramatic change in strategic imperatives: the period of anti-crisis strategy of economy was replaced by the stage of formation of two main models - deconcentration strategy and continuing its selective growth strategy and innovation development strategy. 36 Conglomerates were largely unviable, giving way to specialized vertically integrated corporations; banks have sharply reduced their industrial assets. Under pressure from stock markets, companies were forced to more flexibly adapt to current processes, as well as significantly increase their transparency, abandoning cumbersome multi-sectoral structures. The role of investment in innovative business has increased dramatically.[5,p.5]

In the last third of the twentieth century. The third evolutionary phase of the development of TNCs began to take shape, determined by their desire to improve production efficiency. New technologies in transport, informatics and communications have significantly reduced the transaction costs of managing foreign affiliates of TNCs - this situation is called the "death distance". The desire of entrepreneurs to distribute the constant production costs to a larger volume of output (which reduces the cost of production of its unit in the context of increasing returns to scale) has determined the trend towards vertical integration of TNCs in the 1980s. Even the national economies of large countries have become unable to produce tens of thousands of specialized components, of which complex engineering and electronic products consist. Moreover, it was precisely due to the transnationalization that firms were able to concentrate in themselves the stock of production factors necessary for the implementation of large-scale investment projects, as well as carry out capital-intensive innovative activities in developing new technologies and types of products.

Finally, the modern stage is associated with the development of network structures and new types of "global companies". In our opinion, one can hardly speak of the absolute dominance of this form of organization of international business, but it plays a certain role in enriching the spectrum of TNCs. In reality, the development trends of TNCs in different countries of the world are not the same. It is easy to name the following directions:

- the formation of a qualitatively new "global companies" of the fifth generation and the restructuring of old TNCs, which are also transforming into "global companies" (USA);

—the formation of highly specialized aggressive TNCs in traditional industries (Germany and other European countries);

- an attempt to transform the crisis-facing TNCs through mergers with foreign companies (Japan, South Korea);

—the creation of traditional TNCs on the basis of national financial-industrial groups (developing countries, Mexico, and partly the PRC, where TNCs are formed on the basis of state-owned enterprises);

—the enhancement of the foreign expansion of a large number of medium and small firms, which, in essence, become new, emerging TNCs.[6,p.17-24]

At the present stage of development of TNCs, there are two basic models of their activity (behavior). First, the traditional pattern of behavior of TNCs, which provides for the creation of goods in the country of origin, and then their export abroad. This model of behavior of TNCs is more expensive and inefficient. Secondly, the modern model of the behavior of TNCs, which is based on a more rational, territorial distribution of production, with the transfer of development to countries where the best conditions for their implementation and implementation, and where production will be cheaper. Currently, most TNCs adhere to this pattern of behavior, which allows them to successfully compete with national firms and other TNCs. Based on a

review of the concepts of the formation and development of TNCs, as set out in foreign and domestic economic literature, a number of conclusions can be made. First, even among supporters of the same approaches to the study of the activities of TNCs, there is a significant divergence of views on problems related to the specifics of their formation and development, which may be due to the extreme complexity and multidimensionality of the phenomenon under consideration. Secondly, representatives of most of the directions in the study of TNCs consider any particular aspect of their formation and development in the global economy (managerial, industrial, financial, etc.), there is no comprehensive assessment of the degree of influence of certain factors on the development of transnational corporations. The possible consequences of the transnationalization of corporations are practically not considered. Thirdly, almost all researchers focus on the monopolistic nature of TNCs, as well as on the existence of specific competitive advantages for TNCs, derived from the global nature of their activities, through the realization of which they occupy leading positions in modern international economic relations. Nowadays it is necessary to mention that all theoretical and methodological approaches to the phenomenon of TNCs are based on eight theories of transnationalization, which are summarized in Table 2

Table 1.

Theories of transnationalization

The name of the theory, the founders	The main idea of the theory
Technological concept J. Galbraith	TNC develops divisions abroad in order to service complex manufactured products, as well as to expand sales through service in local markets and active product promotion
Theory of Monopolistic Benefits S. Heimer, C. Kindleberger	In the conditions of monopolization of commodity markets, the company seeks to use a new form of competition, highlighting the goods produced in a special group (due to its special positioning). Due to this, this competition will not be subject to the general laws of competition.
Theory of the product life cycle R. Vernoy	The strategy of foreign expansion of TNCs in the markets depends on the stage of the life cycle at which the product produced by the corporation is located (I is the innovation stage, II is the mature stage, III is the standardization stage, etc.)
The theory of the catch-up cycle (the paradigm of the "flying geese") K. Akamanu	Based on the three-phase development of various industries. In the first phase, in each industry, imports of goods from abroad are growing. In the second phase, the flow of imports weakens due to the emergence of import-substituting production in the country, which is ahead of imports at a certain moment in terms of its growth rates. At the third phase, there is an increase in the export of local products abroad. After successive passage of the indicated phases, prerequisites are formed for the transnationalization of local corporations and the implementation of foreign direct investment.
Theory of oligopolistic protection F. Nikkerbokker	In the aspect of this theory, the main factor ensuring the transnationalization of local corporations is the competitive race for the company - the national leader.

Source: created by author based [8,p.568; 9, p.16]

Today we can distinguish 3 groups of TNCs, which form essentially three groups of countries. The United States — about one-quarter of TNCs — owns it, Japan, about one-third, and another-quarter of the countries of the European Union (Germany, France, and Great Britain). In such a distribution of the largest TNCs into three nodes there is a special meaning. The fact is that the current developed world itself falls into

three models of market relations. One of them is the Anglo-American (Anglo-Saxon) model. It includes the liberal economies of Great Britain and the USA. Their characteristic feature is a thorough dismantling of the role of the state, a weak link between the main groups of national capital and material production, and emphasis on international, mainly financial operations.

The other type of developed world is the West European, now symbolized by the bloc of the countries of

the European Union. It is typical of a bet on the development of national production, the export of goods, and not the export of capital, the attitude to high social spending as the inevitable price of public consent, the use of the regulatory role of the state.

Another model of the developed world is Asian. It is most developed in Japan, but it is followed by other countries in the region, including the largest - India, Indonesia, the Republic of Korea, Thailand, and Malaysia. Its distinctive feature is a very active directing and regulating role of the state in the economy, a cult of loyalty to "its" corporations, and an absolute priority of national interests over international ones [10, p.12-16]

Literature

1. Белошадка В.А. Транснациональные корпорации в международном бизнесе. - Киев: КГЭУ, 2016. - 45 с.
2. Герчикова И.Н. Международные экономические организации: регулирование мирохозяйственных связей и предпринимательской деятельности. - М.: Консалтбанкир, 2017.- 624 с.
3. Грязнов Э.А. КТНК в России. Позиции крупнейших в мире транснациональных корпораций в российской экономике. - М.: ООО Инограф, 2016. - 168 с.

4. Инвестиции года: инвестиций много не бывает // Инвестгазета – Рейтинг Топ – 100. - июнь 2015. - С. 56-57.

5. Крупнейшие компании США за последние 40 лет // БИКИ. - 2015. - № 29. - С. 5.

6. Мазур В., Смирнова О. Привлечение иностранных инвестиций в металлургическую и химическую промышленность Украины // Экономика Украины. - 2018. - № 5. - С. 17-24.

7. Мовсесян А., Огницев С. Транснациональный капитал и национальные государства // Мировая экономика и международные экономические отношения. - 2016. - № 6. - С. 55-63.

8. Соколенко С.И. Глобальные рынки XXI столетия: Перспективы Украины. - К.: Логос, 2017. - 568 с.

9. Рост влияния ТНК на экономику развитых стран // БИКИ. - 2017. - № 8. - С. 5, 16.

10. Шиман М. Роль и влияние транснациональных корпораций в глобальных сдвигах в конце XX столетия // Экономическая политика: стратегия и тактика. - 2016. - № 3, стр.12-16

“EVALUATION AND ANALYSIS OF MECHANICAL INDUSTRY: CREATIVE AND INNOVATIVE DEVELOPMENT OF ENTERPRISES IN THE CONTEXT OF INVESTMENT RESOURCES DEFICIENCY”

Murinovich D.,
MBA

Head of GR unit

JSC «Integrated Thermal Power Company»

DBA program student

the Russia Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Russia, Moscow

Prazdnov G.

doctor of economics

professor of the department of inter branch enterprises

Institute of Industrial Management

the Russia Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Russia, Moscow

Abstract:

Mechanical industry is the industry providing innovative development of enterprises in all sectors of the national economy. For that reason, mechanical engineering needs accelerated flow of investment aimed to introduce creative innovations intended for large-scale technical re-equipment and modernization of existing industries.

Outdated main production assets (MPA), insufficient financing, high competition in both – domestic and foreign markets, as well as lack of qualified personnel, reduce the possibilities for accelerated development of machine-building enterprises.

Insufficiency of existing methodology for assessing and analyzing susceptibility to innovations; lack of flexibility and adaptability to innovations and market needs, and of systematic management of the MPA update process, as well as implementation of scientific achievements and the intellectual potential of workers – all these restrain innovative development of mechanical industry.

Improved methodology for both – objective and comprehensive assessment of the state and dynamics of innovative development, based on materials of machine-building enterprises in Ural Federal District, is proposed in the article.

Keywords:

Mechanical engineering, machine-building, mechanical engineering, investment, innovation, development, evaluation system, flexibility, adaptability, creativity, importance of science, intellectual level, efficiency.

Introduction.

Russia needs qualitative transformation of productive potential from the resource type to creative and innovative type of economic development.

The new model of economic development considers a shift of focus to the development of innovation and intellectual property market. It is not only about using, but first of all about the development of innovations within the country to meet the needs of the domestic economy development.

The importance of developing an innovative economy for our country is explained by the increasing competition with industrialized and developing countries which have lower prices and higher quality characteristics of their products.

With a high demand for innovations in all sectors of Russia's economy and budget possibilities, the implementation of innovation-based fundamental renewal of the country's productive potential does not meet the needs of the domestic market.

The purpose of the article is to consider the specifics of machine-building enterprises innovative development in the context of limited funding, instability in demand and prices, as well as increasing competition. Criteria, algorithm, and system of indicators for assessing the susceptibility of economic entities to modern innovations are substantiated in the article; and dependence of creative, flexible and adaptive machine-building enterprises development on innovative development is also revealed.

Main objectives: analysis of the state and dynamics in terms of innovations necessity, identification of the need and possibilities for increasing the level of susceptibility to innovations, making recommendations on improving financing, stimulation and learning management system for increasing the susceptibility of enterprises to innovations.

The object of the research: industry oriented economic units of Ural Federal District.

Main part.

Mechanical engineering is the core of industry, designed to provide machinery and equipment for all sectors of economics, thereby determining the production potential of the national economy. A significant number of workers is concentrated in mechanical engineering (40% of all employed in industry). The share of the industry (about 25%) in gross domestic product output is large. [1].

Material consumption, energy intensity of products, labor productivity, production efficiency, safety and state defense capacity depend on the development of mechanical engineering. Technological change in the sectors of the country's economy is materializing through mechanical engineering products, especially machine tools, electrical and instrument engineering.

All over the world, innovation acts as the material basis for improving production efficiency, quality and competitiveness of products. The growth of high-tech industries, increasing the role of intellectual capital, strengthening the role of human dimension are the signs of this process. At the same time, the most important resource of any state is science, which determines the essence of economic policy, the tasks and methods of

its implementation. It is not by chance that such prominent economists as M. Friedman, D. Galbraith, A. Laffer, P. Samuelson and others acted as economic advisers to the Presidents of the United States.

The integral indicator of the enterprise's innovative development is the volume of exports of high-tech and science-intensive production. The annual turnover on the world market for such products is several times higher than the turnover of the market for raw materials, including oil, oil products, gas and wood. It's about trillions of dollars. Unfortunately, Russia's share in this market is very poor - 0.25–0.3% (30th place, 6.6 billion dollars). [2]. To compare, China's share is 16.3%, the USA share is 13.5%. [3].

Russia's goal in the near future is to turn into advanced industrialized economic nation, therefore there is no alternative to strategic direction of the mechanical engineering development. For the successful solution of this kind of global challenge it is necessary to consolidate the scientific and production potential. An innovative strategy links together the processes of staff capacity and resource potential development of the enterprise and specific innovative projects. Innovative development of production should be based on updating the knowledge of workers, which would be adequate to innovations.

At present, mechanical engineering in Russia is clearly not playing the role of the national economy productive forces innovative development moderator. The presence of a large amount of physically obsolete and morally obsolete production facilities, very low level of technological equipment at workplaces, an insufficient degree of flexibility and adaptability of enterprises to innovations and market needs, and, as a result, unsatisfactory production efficiency indicators require a fundamental change in the investment policy of both, public and private entities.

Russian machine-building industry production provides the needs of the national economy only by 60%, and by 15% for selected high-quality machines and technical systems. Some types of equipment such as computers and video equipment are not produced at all. Products with microprocessor technology give only 6.7% of the total number. And only 12% of products meet the external market requirements. Talking about physical structure, the share of progressive materials does not exceed 4%, in comparison to 18–20% in the USA. [4]. This is happening due to the lack of active development and introduction of innovative breakthrough technologies. In this regard, the major trust of mechanical engineering development strategy is accelerated innovation-driven development. The share of innovatively active enterprises in Russia is still less than 9% against 30–50% in advanced industrial countries. At the same time, almost 24% of Russian companies receive federal funding for technological innovations. In foreign countries, the ratio is opposite: the share of innovatively active companies exceeds the share of companies receiving federal funding. [5].

The methods used in Russia for assessing the innovative development of machine-building enterprises consider a number of private and integral indicators

which do not fully characterize the state and dynamics in enterprise's technical and intellectual capacity.

The relevance and importance of developing a universal methodology for assessing and analyzing the innovative development of machine-building enterprises predetermines the need to improve the existing methodology.

A critical link for innovation development is technical re-equipment, which, in our opinion, should be divided into two types. The first one is the replacement of obsolete equipment by new equipment of similar kind. In many cases, this is sufficient for the purpose of modernization.

Second type technical re-equipment involves the replacement of obsolete technology with a fundamentally new one, more productive and efficient. This is what is meant by the process of creative innovation development.

From the investment point of view, the innovation boundaries should be determined by the value zone, which lies between 2 and 10% of the replacement (market) cost of the enterprise implementing any kind MPA. The introduction of innovations less than 2% should be attributed to the improvement, and above 10% - to the creative innovation development.

This article proposes the use of indicators that complement and expand the boundaries of the innovation existing ion development assessment, contributing to the identification and full use of innovation capacity reserves.

Below are formula examples for the calculation of several proposed indicators.

Ratio of turnover (R) of capital-labor ratio at subsidiary (S) and main (M) productions.

$$R = \frac{S}{M} \times 1,2$$

S and M – capital-labor ratio, respectively, in subsidiary and main divisions of the enterprise, rubles/person;

1,2 - acceptable level gap coefficient between S and M.

Enterprise flexibility coefficient (EFC) to the needs of the market:

$$EFC = \frac{AV1}{AV \max1} \times \frac{AV2}{AV \max2}$$

Here: AV1 and AV2 - added value of the reporting enterprise for the revised period and in the past, rubles.

AV max1 and AV max2 - added value of the best out of all revised enterprises for the revised period and in the past, rubles.

Any enterprise has flexibility to the market needs if, first of all, it did not show any reduce of produced added value in the revised period, compared to the baseline, and, secondly, this value is comparable to the reference value achieved at the best by this indicator enterprise.

Enterprise adaptability coefficient (EAC) to the market needs:

$$EAC = \frac{Pr i}{Pr \max} \times \frac{Pw i}{Pw \max}$$

Here: Pr i, Pw i, Pr max, Pw max - profit earned per worker and one ruble value of MPA at the revised enterprise and at the best out all revised enterprises, rubles/person for both. Enterprise which is considered to be adaptive to the needs of the market is the one, where the profit per worker and per MPA unit cost is constantly increasing.

By integrating the proposed indicators, the levels of innovation development (LID) were calculated for a group of revised machine-building enterprises in Sverdlovsk region.

Table 1.

The levels and changes in the coefficients of innovation development calculated for a group of enterprises in Sverdlovsk region.

Coefficient	Level of coefficients, %		Change of coefficients
	2012	2017	
PC utilization C	100	1,108	1,108
R	100	1,101	1,101
EFC	100	101,0	101,0
EAC	100	0,996	102,2
LID	100	105,0	107,0

The authors' calculations indicated the following: by increasing the level of production capacity (PC) use,

improving the age characteristics of the active part of production assets, increasing the degree of flexibility

and adaptability to market demands, it is possible to slightly increase the level of innovation development (which is not completely “caught” under the previous evaluation system). This will lead to the labor productivity improvement (5.8% increase), profitability (3.1% increase), reduction of production costs (1.9%).

The logical conclusion of the applied methodology for assessing the innovative development of enterprises is the examination of the increase in capital investment (C) on production efficiency effect. The task is set in the following way: to find out by what amount LID will increase, if 10, 20 ... N million (billion) C rubles are spent.

According to our calculations, LID of one of the revised enterprises – “Chelyabinsk Tractor Plant - Uraltrak LLC” (CHTZ-URALTRAC) is 0.72 (with a limit value equal to one), and this allows to have a profitability of about 12% (data as of 2016). Increasing LID to 0.73 will increase profitability to 13.5%. You only need to calculate how much investment is required in order to achieve this particular result.

In our opinion, the problem of accelerating the development of mechanical engineering in Russian Federation can be explained by the lack of scientific and methodological substantiation of the applied strategies for innovation development. The availability of clear science-based conceptual approaches to the formation of industry-oriented economic entity at the modern and qualitatively new level, as well as building strategy for its renewal and development can greatly facilitate and significantly accelerate creative innovation development of the whole country.

Russia ranks tenth in the ranking of the leading countries in terms of domestic expenditures on research and development based on the purchasing power parity of national currencies. In 2016, it amounted to \$ 39.9 billion. In terms of the share of expenditures on science in gross domestic product (1.1%), Russia lags significantly behind the leading countries, being in 34th place.

The development of science depends on financial investments. The more financial resources allocated by the state and business structures to science, the more effective the results of scientific achievements. In 2016 Russia's expenditures on research and development institutes amounted to about 1 trillion rubles, which is significantly inferior in this indicator to the leading industrialized countries, such as the United States, China, Japan [6].

Unfortunately, as for now, the number of innovatively active enterprises in Russia is less than 9% against 30-40% in industrialized countries. At the same time, almost a quarter of domestic companies receive federal funding for technological innovations. In industrialized countries, the number of companies receiving government funding is much smaller.

Conclusions.

1. The need for innovative development of machine-building enterprises is determined by the growing needs in engineering products, the TFR deterioration, as well as the increased market competition.

2. Factors hindering the creative, innovative development of mechanical engineering in Russia are the following: insufficiently developed methodology for assessing and analyzing innovative development, the low level of enterprises' susceptibility to innovations, insufficient financing of innovative processes, the low degree of flexibility and adaptability of most enterprises to innovations and market needs. The development and introduction of innovative breakthrough technologies, the lack of close ties and cooperation with scientific institutions, the lack of highly skilled professionals for creating innovative development programs and specialists who can implement existing programs are clearly insufficient. It is necessary to increase the level of state investment on research and development; ensure the protection of intellectual rights, and increase the level of remuneration for work of employees involved in research and development fields.

References:

1. The number of operating enterprises, the average annual number of employees, GDP, MPA, profitability. Russia in numbers 2017.
2. Export and import of the Russian Federation. Russia in numbers 2017, pp. 473, 474, 484, 486.
3. Radzikhovskiy L. Running from time. Russian newspaper. 04.09.2018
4. Ivanchenko A., Ushakov D. Complex of development tendencies of the global market for high-technology products. Young scientist. 2018 - №17 c. 171-173.
5. Innovatively active enterprises in Russia. Institute of Economic Policy. E. Gaidar. Russian economy in 2016. (Issue 38). Gaidar Institute publishing house. M.: 2017.
6. Young scientist №47 (233) November 2018.

HISTORICAL SCIENCES

UDC94(5)(093)

LETTERS FROM A.Y. KRYMSKY TO V.R. ROZEN FROM THE HOLDINGS OF THE ST. PETERSBURG BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES ARCHIVES¹

Valeev R.M.,

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Vasylyuk O. D.,

Institute of Oriental Studies, National Academy of Sciences of Ukraine, Kiev, Ukraine.

Valeeva R.Z.,

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation

Diakov N.N.,

University of St Petersburg, St Petersburg, Russian Federation

Khayrutdinov D.R.,

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, Russian Federation

Martynov D.Y.

Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Abstract:

The paper gives a preliminary review of previously unpublished letters from Ahatanhel Yukhymovych Krymsky (1871-1942) to Viktor Romanovich Rozen (1849-1908). They were famous scholars of three academic Oriental Studies centers of modern Russia and Ukraine: Moscow, St. Petersburg and Kiev. The collection of St. Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences Archives holds 15 autographed letters written by A.Y. Krymsky for V.R. Rozen. Most of them were written during the period of 1898 to 1906. These years were filled with important institutional and professional events and changes in the history of two leading centers of Asian and African Studies of Imperial Russia – the Lazarev Institute of Oriental Languages (Moscow) and the Oriental Faculty of St. Petersburg University. These relations are especially significant in the life and legacy of young scholar A.Y. Krymsky and one of the founding fathers of the Russian school of Oriental Studies Baron V.R. Rozen.

In general the surviving correspondence between Academy members V.R. Rozen and A.Y. Krymsky in the archives of Russia and Ukraine reveals and explores their trustful professional and personal communication, as well as the phenomenon of Oriental science, research and culture of the late 19th – early 20th centuries.

Keywords: Russia, Ukraine, Oriental studies, archives, correspondence, A.Y. Krymsky, V.R. Rozen.

Acknowledgments: the study was conducted as a part of a grant project of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) No 18-09-00331 "Epistolary Legacy of Russian Orientalists at the Turn of the 20th Century: Correspondence of A.Y. Krymsky, V.V. Rozen, F.Y. Korsch, V.A. Zhukovski, S.F. Oldenburg, V.V. Bartold, N.A. Mednikov, P.K. Kokovtsov, V.F. Minorsky (1890–1930s)."

A very special place in the history of Russian, Ukrainian and European Oriental Studies as well as in the history and culture of the peoples of modern Russia, Armenia, Azerbaijan, Kazakhstan, Uzbekistan, Ukraine, etc. is occupied by the key centers of Asian and African Studies in Moscow and St. Petersburg – the Lazarev Institute of Oriental Languages, St. Petersburg University, the Asian Museum, the Oriental Committee of the Moscow Archaeological Society, the Oriental Division of the Imperial Russian Archaeological Society, etc. with their rich traditions of research and humanism and their significant legacy of a lot of prominent scholars and experts.

Both today and in the future, of great historical, scientific and educational interest is the legacy of such founding fathers of Russian oriental studies as A.K. Kazem-Bek (1802–1870), F.Y. Korsch (1843–1915),

V.R. Rozen (1849–1908), V.D. Smirnov (1855–1918), N.A. Mednikov (1855–1918), V.A. Zhukovski (1858–1918), S.F. Oldenburg (1863–1934), V.V. Bartold (1869–1930), A.Y. Krymsky (1871–1942), I.Y. Krachkovsky (1883–1951), P.K. Kokovtsov (1861–1942), A.Y. Snesev (1865–1937), V.F. Minorsky (1877–1966), B.V. Miller (1877 – 1956), etc. Their life and works are very closely tied, which is indicated by their academic legacy and especially their unpublished epistolary legacy that survived in archive centers of St. Petersburg, Moscow, Kiev, etc.

The focus of our paper is the materials from the epistolary legacy of two outstanding orientalists of the late 19th – early 20th centuries: V.R. Rozen and A.Y. Krymsky. We should note that the Institute of Manuscripts of V.I. Vernadsky National Library of Ukraine in Kiev holds some surviving letters to A.Y. Krymsky — 3 letters by V.R. Rozen dating back to between 1903-1907. These letters are relatively short but very interesting in terms of researching the personal and professional relations of these two Russian scholars. They are dated 17 December, 1903, 1 November, 1904 and 26 October, 1907.

The primary focus of this paper is letters written by Professor of the Lazarev Institute of Oriental Languages A.Y. Krymsky and Professor, Doctor of

¹ The work is performed according to the RFBR GRANT № «18-09-00331».

Arabic Philology of the Oriental Department of St. Petersburg University, Academician of the St. Petersburg Academy of Sciences as an expert in Literature and History of Asian Peoples, Privy Councillor Baron V.R. Rozen (1901).

In Russia the academic "Regulations" of 1803 did not include Oriental Studies in the list of sciences that were represented in the Academy of Sciences, however they still implied the possibility of inviting European orientologists. For the first time an Oriental research discipline – Oriental Philology and Antiquity – officially appears in the new academic regulations of 1836.

In the final quarter of the 19th century the leading orientologists of Russia formulated the main task of the country's orientalist education and the Asian and African research: to pass "all knowledge regarding Eastern countries to students, and not only the languages of such countries." [1] In the early 20th century Oriental studies in Russia represented a special system of knowledge regarding the history and culture of Eastern peoples, this knowledge meeting the criteria of truth, authenticity, consistency, empirical and theoretical verifiability, conclusiveness, etc. National, historical, cultural, ethnic, social and psychological factors influenced its formation and development in Russia. At the core of the classical Oriental research in Russia in the early 20th century was teaching Asian and African languages, Oriental linguistics and literature studies, researching traditional Oriental texts and material artifacts, etc. A diverse complex of sources became an important scientific base for Oriental studies in Russia. The knowledge and use of both classical and modern Oriental languages, written texts or material artifacts of the peoples of the East were the key components of the academic Oriental studies in Russia.

Russian Oriental studies objectively helped to interpret and explore the greatness and tragedy of the history and culture of the multiple peoples of multiethnic and multireligious Russia – the interaction between European and Asian historical and ideological symbols; the geographical, historical and cultural interaction between Russia and the East; as well as helped to explore the phenomenon of this one-of-a-kind bridge between the East and the West.

In the second half of the 19th – early 20th centuries the scale and organization of Oriental research considerably change. In Russia the main role in the development of Oriental studies is played by universities, the Academy of Sciences and related scientific societies, as well as particular educational institutions.

It must be stressed that Oriental studies as a particular modern age system of education, research and culture that was formed at the University and in the Academy, and its major representatives have played an important role in weakening the traditional Europe-centric and imperial stereotypes about the East, and in changing stereotypical ideas about "Asian barbarism", "fanaticism", "the Muslim factor", "pan-Islamism", "pan-Turkism", "Muslim-Tatars", "tatarization", etc.

By the time they started their correspondence, the Department of Oriental Languages of St. Petersburg

University and the Lazarev Institute of Oriental Language defined the key focus areas, results and institutional features of the main centers and scientific disciplines of Oriental studies in Russia; they embodied an important milestone in the development of the country's original model of education and research on the East; they played an exceptional role in the interaction of other institutes and centers of Oriental studies of the Russian Empire; they actively influenced geopolitical, social, cultural, ethnic and religious processes in the Russian state and society.

The studies made by teachers and scholars of these educational institutions and Russian orientologists in general had a wide regional, chronological and problematical range. In many ways the origins of the Russian academic Oriental studies and the international esteem and influence of the Russian school and centers of Oriental studies are related to studies of the classical and modern cycles of research, mostly in Oriental studies centers of Moscow and St. Petersburg.

The classical research fields of the Russian and European Oriental studies were formed and developed by the most prominent representatives of Arab and Islamic research in Russia and Europe – V.R. Rozen and A.Y. Krymsky, who also continued a special ethnic and cultural traditions in the history of educational and academic studies of the East. Their origins have a lot to do with Germany, Crimea and Ukraine.

One of the major representatives of the Moscow center of orientalism in Russia professor V.A. Gordlevsky and A.Y. Krymsky's talented student in the Lazarev Institute of Oriental Languages (1895 – 1899) described the historical and academic image of Oriental studies in Moscow in the following way: "The conditions for Oriental studies in Moscow were constantly unfavorable. There were brilliant (and genius) representatives of Oriental studies, but the academic continuity was non-existent simply because the school of Oriental studies – the nursery of Moscow Oriental research – was applied in nature, and young scholars who had graduated from Special Classes were usually lost for Oriental studies..."[2]. Nevertheless, it needs to be emphasized that forming the "Special classes" of the Lazarev Institute of Oriental Languages (1872) became an important institutional milestone in the history of Russian Oriental studies of the 19th century after the famous Department of Oriental Languages of St. Petersburg University had been formed (1855).

In the early 20th century one of the official documents of the Ministry of Internal Affairs – "On Countermeasures Against Pan-Islamic and Pan-Turkic Influence Among the Muslim Population" (dated January 15, 1911) stated: "In the recent decades in the entire Muslim world we observe an extreme upsurge of both religious and ethnic-cultural identity. By not being foreign to Russia either, this movement manifested itself among the many different ethnicities speaking many different languages united by the religion of Islam, in a clear aspiration to their close unification on the basis of some artificially created tatarization, as well as to their isolation from nation-wide cultural issues and to their

spiritual alignment with their co-religionist countries, mostly with Turkey" [3].

In the early 20th century special attention in the ideology and practice of the czarist policy in the sphere of "state cultural activities", particularly in "cultural-educational measures", was paid to "strengthening the existing scientific tools of learning the Russian Muslim East by the respective expansion... of the faculties of St. Petersburg and Kazan Universities..." The following was suggested as one of the promising projects: "To open in Kazan, as one of the Islamic centers, an Oriental division at the Faculty of Philology of the University to study Oriental languages, history and lifestyle of Eastern peoples inhabiting both Russia and the adjacent countries that have Islam as their primary religion." [4]

At the turn of the 20th century the key components of *Spiritus movens* (the moving spirit) of the classical Russian Oriental studies were formed. At the core of this professional and humanistic spirit were professors, lecturers and scholars of universities, the Academy of Sciences and science and education societies – the *creme de la creme* of Oriental studies in Russia. At the forefront of this pleiad were V.R. Rozen and A.Y. Krymsky, who were naturally related to the epochs of "romanticism" and "modernism" in the history of Russian and European Oriental studies of the 19th – first decades of the 20th centuries.

In the article on V.R. Rozen in the "Encyclopedic Dictionary" A.Y. Krymsky wrote: "In the history of the development of the Russian Oriental studies of the 2nd half of the 19th century R[ozen], as the organizer and mentor of the young (subsequently prominent) scholars, had a significant role." [Entsiklopedicheskiy slovar (Encyclopedic Dictionary). Vol. 36. P. III. Rod – Russia. P. 129].

Unfortunately, at the modern stage the most complete publications devoted to the memory and legacy of the Academician V.R. Rozen [5] are scarce. In the Russian historiography the following objective evaluation has quite fairly been formed: "The successful development of the Russian Oriental studies late in the past century (the 19th century – R.V., O. V., R.V., N. D., D.K., D.M.) that was prepared by the history of the Eastern research in Russia, has been rightfully associated with the name of outstanding researcher, educator and organizer, Academician V.R. Rozen (1849 – 1908), graduate of the Department of Oriental Languages and its dean from 1893 to 1902." [6]

Quite relevant today are also the words of N.A. Mednikov (1855 – 1918) in relation to evaluating the work of V.R. Rozen in Arab studies and his death in 1908: "It is my belief that the complete and comprehensive evaluation can only be expected in the future, when we get the possibility to compare the works of the deceased scholar not only to the works of his predecessors and contemporaries but also with what the following generation of arabists comes up with." [7]

Researcher of the Middle East and the Slavic world, academic and prominent public figure who possessed encyclopedic knowledge, he made a significant contribution to the history of Arab, Iranian, Ottoman, Turkic and Slavic studies in Russia, Ukraine and Europe. The language and literature, history,

culture and generally the legacy of the Arab-Islamic civilization were the main areas of the educational and social work and the research work of A.Y. Krymsky [8].

In 1924 Academician I.Y. Krachkovsky was one of the first to point out another important feature of the academic and cultural legacy of the "former Professor of the Lazarev Institute". This was related to his review of Krymsky's "History of Persia and Its Literature" (Kiev, 1923). In it, he writes: "For the history of Ukrainian science A. Krymsky's works will, undoubtedly, become an entire epoch in terms of developing the scientific terminology and language: he is the first Ukrainian who had an opportunity to come really close to authentic Eastern sources and began publishing the material in his native language; his works are not without use for us as well, because similar general reviews in Russia are almost non-existent." [9]

In 1872 V.R. Rozen presented his master degree thesis on "Ancient Arab Poetry and Its Criticism". By the time A.Y. Krymsky and V.R. Rozen began to communicate with each other, the St. Petersburg scholar's most famous works cited in various encyclopedias were published in Russian and several European languages: *Ancient Arab Poetry and Its Criticism* (St. Petersburg, 1872), *Proceedings of Al-Bakri and Other Authors about Rus and the Slavs. Part 1* (St. Petersburg, 1878), *Emperor Basil of Bulgaria* (St. Petersburg, 1883), "Notice on the Chronicle of Agapius of Manbij" (*Journal of the Ministry of National Education*, 1884), *Notiz über eine merkwürdige arabischen Handschrift* (1879), *Zur arabischen Literaturgeschichte der älteren Zeit. I. Ibn-Quteiba "Uyüs al akhbar"* (1880), *Les manuscrits arabes de l'Institut des langues orientales* (St. Petersburg, 1877), *Notices sommaires des manuscrits arabes du Musée Asiatique* (St. Petersburg, 1881), *Remarques sur les manuscrits orientaux de la Collection Marsigliä Bologne, suivies de la liste complète des manuscrits arabes de la même collection* (1885), *Les manuscrits persans de l'Institut des langues orientales* (Paris, 1896), and others. These publications were oriented towards classical Arab-Islamic sources and their comprehensive historical and cultural studies.

Pointing out two most important lines of V.R. Rozen's legacy, A.Y. Krymsky noted the following in his "Encyclopedic Dictionary": "In Western Europe he is especially famous for participating in the publishing of a very old Arabic history corpus by Al-Tabari (Series III. Vol. 3. Leyde, 1883 – 1884), as well as his erudite French description of the rich collection of Arabic and Persian manuscripts of the Ministry of Foreign Affairs (1877 – 1891) and close academic communication with all the outstanding representatives of the European Oriental studies" [Entsiklopedicheskiy slovar (Encyclopedic Dictionary). Vol. 36. P. III. Rod – Russia. P. 128].

These focus areas of Arab and Islamic research and in general of A.Y. Krymsky's works are particularly noticeable in his intellectual biography. The life and work of this Russian and Ukrainian arabist, iranist, turkologist and slavist includes three significant

successive periods: the Moscow period (1889-1918), the Beirut period (1896-1898) and the Kiev period (1918-1942). The final years of A.Y. Krymsky's life were spent (after his arrests in 1941 and early 1942) on prisoner transport and in Gulag labor camps in Kazakhstan.

Of special importance is studying the epistolary legacy of the luminaries of the Russian Oriental studies – V.R. Rozen and A.Y. Krymsky, the founding fathers of the key centers of classical Russian, Ukrainian and generally European Oriental studies – St. Petersburg, Moscow and Kiev.

In 1929 I.Y. Krachkovsky, describing the "Russian letters" of orientologists to Academician V.R. Rozen found in the Asian Museum of the Academy of Sciences of the USSR, noted: "Here the renowned pleiad of V.R. Rozen's students is represented quite brilliantly. With the names that the entire history of Russian Oriental studies is closely associated with, starting from the 80s; the future researchers of this period get absolutely exceptional material into their hands." [10]

I.M. Smilyanskaya described the role and significance of this scholar to the history of Oriental studies in Russia and Ukraine at the turn of the 20th century as follows: "A.Y. Krymsky strikes you with the sheer diversity of his academic and cultural interests as well as the scope of his research. Being primarily a philologist, he was an expert on Ukrainian (and, more widely, Slavic), Arab, Semitic, Iranian and Turkic studies." [11]

A.Y. Krymsky and V.R. Rozen corresponded throughout the years 1898 to 1907. Moscow orientalist A.Y. Krymsky was the initiator of this correspondence.

At that period A.Y. Krymsky lived in Moscow after returning from Beirut, and he was a prominent representative of the Moscow center of Oriental studies in Czarist Russia. Academician V.R. Rozen in 1872 – 1908 was teaching Arabic at the Department of Oriental Languages of St. Petersburg University and he remained one of the key representatives of the academic Oriental studies in Russia.

The first letter to Academician V.R. Rozen was written by A.Y. Krymsky on October 4, 1898, and the last one on January 3, 1906. The letters were sent from Moscow, Zvenyhorodka and Stavropol. The three surviving letters by V.R. Rozen to A.Y. Krymsky that can be found in the holdings of the Institute of Manuscripts of the V.I. Vernadsky National Library of Ukraine were written in 1903, 1904 and 1907. It is known that V.R. Rozen died on January 10 (23), 1908 at the age of 58, and that was the reason this correspondence was terminated.

Unfortunately, the 110th anniversary of V.R. Rozen's death passed very quietly and unremarkably, even though during the celebratory events of 2018 devoted to the 200th anniversary of Russian Oriental studies (anniversaries of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences and the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences), words about the legacy of one of the outstanding founders of Arab-Islamic studies in modern Russia having the leading role will surely be spoken multiple times.

Unpublished letters from A.Y. Krymsky to V.R. Rozen, as well as ones addressed to Russian orientalists, are an extremely important source of information on the history of Russian and Ukrainian Oriental studies and the unique work of the researchers, as well as on the Russian-Ukrainian academic and cultural relations in the late 19th - early 20th centuries.

At present the most comprehensive publications on the epistolary legacy of A.Y. Krymsky are the following well-known works published in 1970s–2000s in Russia and Ukraine [12].

Invaluable are the letters of A.Y. Krymsky to Baron Viktor Rozen stored in the St. Petersburg Branch of the Russian Academy of Sciences Archives, in his collection (f. 777, inv. 2, file 228). In total there are 15 autographed letters covering the period from October of 1898 to January of 1906.

In October of 1898, in his second letter, A.Y. Krymsky wrote to V.R. Rozen: "Besides the program, my attention was caught by some of your comments about my work "Study of the Development of Sufism", and they made me deeply regret the fact that I was not lucky enough to study under your tutorship. Your words were the first criticism I have heard: for the nine years that I have been researching the East I have never been able to get any assistance from any of our orientalists, with the exception of philological help, and I had to discover everything (i.e. methods, sources and aids) on my own." [13]

At the present stage A.Y. Krymsky should be rightfully included into the pleiad of V.R. Rozen's students who, according to I.Y. Krachkovsky, "were able to continue and expand on his work not only in the field of research but also in the sphere of organization and management on a large scale." [14] This area of A.Y. Krymsky's studies manifested itself when the scholar was holding the position of permanent secretary during the first years after the formation of the Ukrainian Academy of Sciences (1918–1928).

In 1899 A.Y. Krymsky wrote the following in his letter to V.F. Miller, informing him on his work on his dissertation: "I feel splendid while doing this work, and those amiable letters from Bar[on] Rozen support my high spirits. I am constantly aware of the fact that in terms of my research my acquaintance with Petersburg orientalists in general, and particularly Bar[on] Rozen, was extremely useful." [15]

Subsequently A.Y. Krymsky will come back to evaluating the personality and legacy of V.R. Rozen again. This is particularly evident in his letters to Academician I.Y. Krachkovsky, written during the Kiev period of his life. In 1935, in relation to the death of N.Y. Marr (1934), he wrote: "And... a lot of representatives of Russian Oriental studies have already passed away. The Oriental studies are dying. Now – Marr has died too. Soon there will be nobody left alive of that notable group of Baron Rozen's students..." In 1935 after reading I.Y. Krachkovsky's obituary of V.V. Bartold and comparing him to V.R. Rozen, A.Y. Krymsky wrote: "Bartold has been characterized in a very fleshed-out manner in your obituary, and it is not exaggerated to the degree of a panegyric. Even the awkward heaviness of

Bartold's style has been noted, albeit in a very "academic" tone. Only one of his features you didn't catch, or, perhaps, shied away from catching. Bartold never had this quality which marked the unforgettable Baron Rozen... the capability of treating his students with affection, of making friends with them, of forming, so to say, an "academic family." [16]

In general the phenomenon of A. Y. Krymsky's epistolary legacy should probably be understood as part of the assessment paradigm proposed by the outstanding Ukrainian writer and Krymsky's associate I. Franko: "He tries to be as objective and truthful as possible, not to lose a single grain of the truth he has grasped with all his heart, and he pours it to paper with all its, sometimes absolutely arbitrary, accessories, of which, of course, the primary ones are his personal sentiments and feelings" [17].

The introduced letters of A. Y. Krymsky, and especially the letters addressed to him from other Oriental researchers are also helpful for students and contemporaries in the following aspects. Firstly, they are autographs of the most prominent Russian orientalist of the 19th – early 20th centuries. Secondly, these letters present the personal position of a high-profile scholar and outstanding individual. Thirdly, here we find a unique assessment of the state of academic Oriental studies at that time, specifically its Arabian, Iranian, Turkic fields and the roles of the leading Russian scholars and thinkers. Fourthly, the letters convey the personal position and sentiments of this person and scholar particularly sharply. In general the content of this correspondence can serve as the original material for academic biographies of Russian academician orientalist of the 19th – 20th centuries.

We plan to publish the subsequent correspondence of A. Y. Krymsky and V. R. Rozen in a book devoted to the epistolary legacy of Russian orientalist at the turn of the century, and especially to the correspondence of the Russian and Ukrainian arabist, turkologist, iranist and slavist A. Y. Krymsky with his teachers, colleagues and students – V. R. Rozen, F. Y. Korsch, V. A. Zhukovski, S. F. Oldenburg, V. V. Bartold, I. Y. Krachkovsky, N. A. Mednikov, P. K. Kokovtsov, B. V. Miller, V. F. Minorsky in 1890–1930s.

References

1. Bartold, V.V. *Obzor deyatelnosti fakulteta vostochnykh yazykov (Review of the Activities of the Department of Oriental Languages) // Sochineniya (Written Works). Vol. IX. Raboty po istorii vostoekovedeniya (Works on the History of Oriental Studies). Moscow, 1977. P. 176.*
2. Gordlevsky, V. *Tridtsatipyatiletie Vostochnoy komissii (The Thirty-Fifth Anniversary of the Oriental Committee) // Vostok (The Orient). 1924. Book 4. P. 169.*
3. Zapiski P.A. Stolypina po "musulmanskomu voprosu" 1911 g. (Notes of P.A. Stolypin on the "Muslim Problem" of 1911). Foreword, endnotes and commentary by D.Y. Arapov // *Vostok (The Orient). 2003. No 2. P. 126.*
4. Zapiski P.A. Stolypina po "musulmanskomu voprosu" 1911 g. (Notes of P.A. Stolypin on the "Mus-

lim Problem" of 1911). Foreword, endnotes and commentary by D.Y. Arapov // *Vostok (The Orient). 2003. No 2. P. 132, 134.*

5. *الدمظ فريفة*. A collection of articles by students of professor Baron Viktor Romanovich Rozen on the occasion of the twenty-fifth anniversary of his first lecture on November 13th. 1872 – 1897. St. Petersburg, 1897; Veselovsky, N. 30 let uchyonoy deyatelnosti barona V.R. Rozena (30th Anniversary of Scholarly Work of Baron V.R. Rozen) // *Journal of the Ministry of National Education. 1902. P. 344. P. 157 – 161; In memory of Baron Viktor Romanovich Rozen. Presentations delivered at a meeting of the Division on November 20, 1908 and the list of works of Baron V. R. Rozen // Proceedings of the Oriental Division of the Russian Archeological Society Vol. XVIII. P. 1 – 48; In memory of Academician V. R. Rozen: Articles and materials on the occasion of the fortieth anniversary of his death (1908–1948) / ed. by I. Y. Krachkovsky. Moscow-Leningrad, 1947, etc.*

6. *Istoria otechestvennogo vostoekovedeniya s serediny XIX veka do 1917 goda (The History of Russian Oriental Studies from the Middle of the 19th Century to 1917). Moscow, 1997. P. 16.*

7. Mednikov, N. *Baron V. R. Rozen kak arabist (Baron V.R. Rozen as an Arabist). In memory of Baron Viktor Romanovich Rozen. Presentations delivered at a meeting of the Division on November 20, 1908 and the list of works of Baron V. R. Rozen // Proceedings of the Oriental Division of the Russian Archeological Society Vol. XVIII. P. 1.*

8. Batrold, V.V. *Istoriya izucheniya Vostoka v Yevrope i Rossii (The History of Studying the East in Europe and Russia). 2nd edition. Leningrad, 1925; Baziyants, A.P. Lazarevskiy institut v istorii otechestvennogo vostoekovedeniya (Lazarev Institute in the History of Russian Oriental Studies). Moscow, 1973; Danzig, B.M. Blizhniy Vostok v russkoy nauke i literature: Dooktyabrskiy period (Middle East in Russian Science and Literature: Pre-October Period). Moscow., 1973; Danzig, B.M. Izucheniye Blizhnego Vostoka v Rossii (XIX – nachalo XX v.) (Studying the Middle East in Russia (19th – Early 20th Centuries). Moscow, 1968; Danzig, B.M. Russkiye puteshestvenniki na Blizhnem Vostoke (Russian Travelers in the Middle East). Moscow, 1965; Dolinina, A. Nevolnik dolga (Prisoner of Duty). St. Petersburg, 1994; Istoria otechestvennogo vostoekovedeniya s serediny XIX veka do 1917 goda (The History of Russian Oriental Studies from the Middle of the 19th Century to 1917). Moscow, 1997; Kononov, A.N. Biobibliograficheskiy slovar otechestvennykh tyurkologov: Dooktyabrskiy period (Biobibliographical Dictionary of Russian Turkologists: Pre-October Period) / ed. and foreword by A.N. Kononov. Moscow, 1974; Krachkovsky, I.Y. Selected works. Vol. V. Ocherki po istorii russkoy arabistiki (Essays on the History of Arab Studies in Russia). Moscow-Leningrad, 1958; Gurnitskiy, K.I. Ahatanhel Yukhymovych Krymsky. Moscow, 1980; Krymsky, A.Y. Vybrani skhodoznavchi pratsi (Selected Oriental Works): in 5 volumes. Vol. I. Arabystika (Arab Studies). Kiev, 2007; Krymsky, A.Y.*

Vybrani skhodoznavchi pratsi (Selected Oriental Works): in 5 volumes. Vol. IV. Iranistika (Iranian Studies). Kiev, 2008; Krymsky, A. Y. Vybrani skhodoznavchi pratsi (Selected Oriental Works): In 5 volumes. Vol. V. Iranistika (Iranian Studies). Kiev, 2010; Fück Johann Wilhelm. Die arabischen Studien in Europa. Lpz., 1955, etc.

9. See: Vostok (The Orient). 1924. Book 4. P. 188.

10. See: Doklady AN SSSR (Proceedings of the Academy of Sciences of the USSR). 1929. No 12. P. 231.

11. Perepiska akademikov A.Y. Krymskogo i I.Y. Krachkovskogo 1920–1930-kh godov (Correspondence of Academicians A.Y. Krymsky and I.Y. Krachkovsky of 1920s–1930s) / published by I.M. Smilyanskaya // Neizvestnye stranitsy otechestvennogo vostokovedeniya (Unknown Pages of Oriental Studies in Russia). Moscow, 1997. P. 303.

12. See details in: Krymsky, A.Y. Tvory v p'yaty tomakh (Works in Five Volumes). Vol. 5, book 1. Lysty (Letters) (1890–1917); book 2. Lysty z Sirii ta Livanu (Letters from Syria and Lebanon) (1896–1898). – Kiev, 1973; Pisma iz Livana (Letters from Lebanon) (1896–1898). – Moscow, 1975; Kuznetsova, N.A. Vostokovedy-lazarevtsy na rubezhe dvukh vekov po ikh pismam (Orientalists of the Lazarev Institute at the Turn of the Century, in Their Letters) // Formirovaniye gumanisticheskikh traditsiy otechestvennogo vostokovedeniya (do 1917 goda) (Formation of Humanist Traditions of the Russian Oriental Studies (until 1917)). Moscow, 1984. P. 122–144; Pisma A.Y. Krymskogo I.Y. Krachkovskomu (Letters from A.Y. Krymsky to I.Y. Krachkovsky) / publication and

endnotes by A.G. Nedvetsky and I.M. Smilyanskaya // Vostok. 1993. No 1. P. 150–169; Perepiska akademikov A.Y. Krymskogo i I.Y. Krachkovskogo 1920–1930-kh godov (Correspondence of Academicians A.Y. Krymsky and I.Y. Krachkovsky of 1920s–1930s) / published by I.M. Smilyanskaya // Neizvestnye stranitsy otechestvennogo vostokovedeniya (Unknown Pages of Oriental Studies in Russia). Moscow, 1997. P. 155–368; Epistolarna spadschina Ahatanhela Krymskogo (The Epistolary Legacy of Ahatanhel Krymsky). Vol. 1 (1890–1941); Vol. 2 (1918–1941). Kiev, 2005, etc.

13. St. Petersburg. Collection of the Archives of the Russian Academy of Sciences. 777, inv. 2, file 228. P. 3–4.

14. In memory of Academician V.R. Rozen. Articles and materials on the occasion of the fortieth anniversary of his death (1908–1948). Moscow-Leningrad, 1947. P. 7.

15. A.Y. Krymsky. Tvory v p'yaty tomakh (Works in Five Volumes). Vol. 5. Book 1. Lysty (Letters) (1890 – 1917). Kiev, 1973. P. 337.

16. Perepiska akademikov A.Y. Krymskogo i I.Y. Krachkovskogo 1920–1930-kh godov (Correspondence of Academicians A.Y. Krymsky and I.Y. Krachkovsky of 1920s–1930s) / published by I.M. Smilyanskaya // Neizvestnye stranitsy otechestvennogo vostokovedeniya (Unknown Pages of Oriental Studies in Russia). Moscow, 1997. P. 212–213; P. 219–220.

17. Franko, I. Review of the book: Krymsky, A. Palmovye vetvi (Palm Branches) // Franko, I. Written works. Vol. IX. Moscow, 1959. P. 342.

JURISPRUDENCE

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ СРЕДСТВ ПЛАТЕЖА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

*Гольцов В.Б.,
заведующий кафедрой инвестиционного права, Санкт-Петербургский государственный архитек-
турно-строительный университет, г. Санкт-Петербург*

*Голованов Н.М.
профессор кафедры инвестиционного права, Санкт-Петербургский государственный
архитектурно-строительный университет, г. Санкт-Петербург*

LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC MEANS OF PAYMENT UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

*Goltsov V.B.,
Head of Investment Law Department,
St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, St. Petersburg*
*Golovanov N.M.
Professor, Department of Investment Law,
St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, St. Petersburg*

Аннотация

В статье рассматривается понятие электронных средств платежа, их виды, критерии отнесения платежных средств к электронным средствам платежа. Описываются возможности, предоставляемые предоплаченными картами, «электронными кошельками», «Интернет-банкингами», корпоративными средствами платежа, их достоинства и недостатки. Вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства в части регламентации использования электронных средств платежа.

Abstract:

The article discusses the concept of electronic means of payment, their types, the criteria for classifying payment instruments as electronic means of payment. It describes the opportunities provided by prepaid cards, "e-wallets", "Internet banking", corporate means of payment, their advantages and disadvantages. Proposals are made to improve the current legislation in terms of regulating the use of electronic means of payment

Ключевые слова: электронные средства платежа, расчетная карта, кредитная карта, предоплаченная карта, корпоративное средство платежа, «электронный кошелек, Интернет-банкинг.

Keywords: electronic means of payment, payment card, credit card, prepaid card, corporate means of payment, "e-wallet, Internet banking

В п. 19 ст. 3 Федерального закона от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – Закон № 161) электронное средство платежа (далее – ЭСП) определяется как средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств (далее оператор) составлять, удостоверить и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств».

Согласно п. 1.5. Положения Центрального Банка РФ от 24 декабря 2004 года № 266-П «Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием», к ЭСП отнесены расчетные (дебетовые), кредитные и предоплаченные карты, держателями которых являются физические лица, в том числе уполномоченные юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями.

Расчетная (дебетовая) карта используется для совершения операций в пределах суммы денежных средств клиента, находящихся на его банковском счете, и (или) кредита, предоставляемого кредитной организацией клиенту при недостаточности или отсутствии на его банковском счете денежных средств (овердрафт).

Обычно расчетными (дебетовыми) картами физические лица расплачиваются за приобретенные товары, выполненные работы, оказанные услуги. На расчетные (дебетовые) карты переводится заработная плата, пенсии, пособия, стипендии. Они позволяют снять наличные деньги, перевести деньги с одного счета на другой, купить иностранную валюту, хранить и накапливать денежные средства.

В отличие от расчетной (дебетовой) карты, кредитная карта используется для совершения ее держателем операций за счет денежных средств, предоставленных кредитной организацией клиенту, в пределах расходного лимита в соответствии с условиями кредитного договора.

Предоплаченная карта в соответствии с п. 26 ст. 3 Закона № 161 – это платежная карта, предоставляемая клиенту оператором для перевода электронных денежных средств (далее – ЭДС), а также для осуществления иных операций на основании договора, заключенного клиентом с кредитной организацией.

Все предоплаченные карты подразделяются на персонифицированные и неперсонифицированные в зависимости от того, осуществляется ли идентификация клиента при переводе ЭДС в соответствии с требованиями Федерального закона от 7 августа 2001 года № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», или не осуществляется

Что касается клиента - физического лица, то в случае проведения оператором его идентификации ему предоставляется персонифицированное ЭСП, и он может пользоваться им при условии, что остаток ЭДС в любой момент не превышает 600 тысяч рублей либо сумму в иностранной валюте, эквивалентную 600 тысяч рублей по официальному курсу Банка России (п. 2 ст. 10 Закона № 161). Превышение указанного лимита допускается только вследствие изменения официального курса иностранной валюты, устанавливаемого Банком России.

В случае непроведения оператором идентификации клиента - физического лица ему предоставляется неперсонифицированное ЭСП, использование которого осуществляется при условии, что остаток ЭДС в любой момент не превышает 15 тысяч рублей (п. 4 ст. 10 Закона № 161). При этом общая сумма переводимых ЭДС не может превышать 40 тысяч рублей в течение календарного месяца (п. 5 ст. 10 Закона № 161).

Сумма остатка может быть увеличена до 60 тысяч рублей, а общая сумма переводимых ЭДС до 200 тысяч рублей в течение календарного месяца, если клиент пройдет упрощенную идентификацию. Предоставленное ему в этом случае ЭСП также является неперсонифицированным, но расчеты с его использованием могут быть осуществлены только в пользу юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, а не в пользу физических лиц (п. 5.1 ст. 10 Закона № 161).

Оператор не осуществляет перевод ЭДС, если в результате такого перевода будут превышены указанные выше лимиты. При этом клиент - физическое лицо вправе получить остаток (его часть) ЭДС наличными деньгами (ч. 6 ст. 10 Закона № 161). Остаток ЭДС формируется клиентом - физическим лицом посредством перевода денежных средств с банковского счета, открытого в кредитной организации, оказывающей клиенту услуги, или в иной кредитной организации, а также без использования банковского счета путем внесения клиентом наличных денежных средств в банкоматы и платежные терминалы кредитных организаций и банковских платежных агентов. Остаток ЭДС клиента - физического лица может быть также увеличен за счет денежных средств, предоставляемых в пользу такого клиента юридическими лицами или

индивидуальными предпринимателями, если это предусмотрено договором между кредитной организацией и клиентом.

Если клиент - физическое лицо является абонентом оператора связи, то при наличии у такого оператора договора с кредитной организацией, оказывающей клиенту - физическому лицу услуги по переводу ЭДС, денежные средства для увеличения остатка ЭДС клиента – физического лица могут быть предоставлены указанной кредитной организации в соответствии с договором, заключенным с клиентом – физическим лицом, за счет денежных средств последнего, являющихся авансом за услуги связи.

Оператор не вправе предоставлять клиенту - физическому лицу денежные средства для увеличения остатка ЭДС на основании договора потребительского кредита (займа).

Хотелось бы обратить внимание на проблему расчета остатка ЭДС клиента – физического лица. Должны ли быть включены в сумму перевода ЭДС расходы на операции по предоставлению оператору ЭДС денежных средств для увеличения остатка ЭДС клиента, а также по получению (переводу на банковский счет) остатка (его части) клиентом? Как представляется, включать в расчет любые операции с ЭСП неправомерно. Перевод ЭДС включает как принятие распоряжения клиента, так и уменьшение остатка ЭДС у плательщика, равно как увеличение — у получателя. Отсутствие одной из указанных составляющих исключает перевод ЭДС, а потому не должен включаться в расчет лимита по обороту [1].

Для юридических лиц или индивидуальных предпринимателей идентификация строго обязательна, и в соответствии с ч. 7 ст. 10 Закона № 161 им предоставляется персонифицированное ЭСП, которое называется корпоративным. Корпоративное средство платежа может использоваться только при условии, что остаток ЭДС не превышает 600 тысяч рублей либо сумму в иностранной валюте, эквивалентную 600 тысячам рублей по официальному курсу Банка России, на конец рабочего дня оператора. Сумма остатка может оказаться больше лимита только в одном случае, если изменение произошло за счет того, что официальный курс иностранной валюты вырос.

При превышении юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем установленных лимитов перевода ЭДС оператор обязан выводить образовавшийся излишек на их банковский счет, открытый у оператора для этих целей, или на счет, открытый в иной кредитной организации, о чем юридическое лицо или индивидуальный предприниматель обязаны сообщить оператору (п. 7, 8, 9 ст. 10 и п. 23 ст. 7 Закона № 161).

Юридические лица, а также индивидуальные предприниматели могут являться только получателями средств, а плательщиками - в случае, если получателем средств является физическое лицо (п. 9 ст. 7 Закона № 161-ФЗ).

Обязанность юридического лица или индивидуального предпринимателя иметь, наряду с корпоративным ЭСП, банковский счет, обеспечивать документальное подтверждение операций с использованием корпоративного ЭСП (ст. 86 Налогового кодекса РФ), а также законодательные ограничения на использование корпоративного средства платежа препятствуют широкому использованию его хозяйствующими субъектами [4].

Значительные неудобства создают заниженные лимиты переводимых ЭДС и для физических лиц. С учетом уровня обеспеченности граждан РФ ограничение переводов суммой в 15 тысяч рублей при использовании неперсонифицированного ЭСП представляется крайне заниженной. Правда, это ограничение на практике обходится посредством приобретения нескольких карточек у операторов разных платежных систем.

Как представляется, установленные лимиты перевода ЭДС необходимо регулярно пересматривать с учетом уровня инфляции. В своем большинстве они установлены еще в 2011 году. За истекшее время инфляция составила более 20 %. Логично предположить, что на такой же процент должны быть увеличены и суммы переводимых денежных средств.

Помимо prepaid карт в гражданском обороте достаточно широко представлены, так называемые, «электронные кошельки». На законодательном уровне регламентация использования «электронного кошелька» не предусмотрена. В небанковских платежных системах «электронные кошельки» описываются по-разному, однако все они так или иначе имеют в виду программное обеспечение, устанавливаемое на компьютер, мобильный телефон или иное техническое устройство, с которого клиент получает доступ к указанному ЭСП через интерфейс на сайте оператора услуги. При этом под интерфейсом (англ. *interface* – «место соприкосновения») понимается система связи, обеспечивающая обмен информацией между оператором ЭДС и клиентом; под сайтом (WEB-сайтом от англ. *web* – «паутина» и *site* – «место») – совокупность веб-страниц, как правило, одной тематики, принадлежащих одному владельцу или организации, расположенных по одному уникальному адресу (доменном имени) и воспринимаемых как единое целое. Возникает вопрос, является ли интерфейс частью «электронного кошелька» или это только средство доступа к нему? Обратимся к п. 19 ст. 3, ч. 1 ст. 9 и п. 1 ч. 1 ст. 14 Закона № 161, которые указывают на критерии отнесения технических устройств к ЭСП.

Первый критерий касается возможности «оставлять, удостоверить и передавать распоряжения оператору ЭДС в целях осуществления перевода денежных средств» (п. 19 ст. 3 Закона № 161). Никакие другие возможности ЭСП, и в частности информационные, в расчет не берутся. Данный критерий позволяет отнести интерфейс «электронного кошелька» к его обязательному элементу, поскольку без него перевод денежных средств невозможен. Несколько интерфейсов, обслуживающих

один электронный кошелек, в том числе такие, как приложение для iPhone и веб-интерфейс, можно рассматривать как элементы одного ЭСП.

Второй критерий касается предоставления ЭСП клиенту только на основании договора, заключаемого с оператором ЭДС, являющимся кредитной организацией либо с представляющим его банковским платежным агентом ч. 1 ст. 9 и абз. 1 ч. 1 ст. 14 Закона № 161). Никакие другие субъекты не наделены законом правом предоставлять ЭСП [2].

С учетом приведенных выше критериев к ЭСП можно отнести и «Интернет-банкинг» (от англ. *Internet-banking*), представляющий собой технологию дистанционного доступа к счетам клиента для их контроля и управления через Интернет. В данном случае клиент на основе заключенного с банком договора на дистанционное банковское обслуживание с использованием системы «Интернет-банкинг» имеет возможность давать распоряжения банку в отношении перевода, имеющихся у него на счете денежных средств. Для выполнения необходимых операций используется браузер (англ. *browse* – просматривать) – программное обеспечение для просмотра Интернет-ресурсов. Наибольшей популярностью в нашей стране пользуются браузеры: Google Chrome, Mozilla Firefox, Apple Safari, Internet Explorer и Netscape Navigator и др. Для управления браузером используется соответствующий интерфейс.

Необходимо обратить внимание на бесконтактные платежные технологии, которые объединяют функционалы мобильного телефона и банковской платежной карты в одном техническом устройстве. Наиболее успешно в настоящее время развивается технология беспроводной связи малого радиуса действия NFC (Near Field Communication), позволяющая осуществлять оплату товаров, приблизив мобильный телефон с поддержкой NFC к платежному терминалу на расстояние около 10 см. Так, платежная услуга по технологии Google Wallet позволяет осуществлять платежи, просто приблизив смартфон с поддержкой NFC к платежному терминалу MasterCard PayPass [3]. При использовании указанных устройств налицо один из признаков ЭСП: составление, удостоверение и передача распоряжения клиента на перевод ЭДС. Для отнесения NFC-устройства к составной части ЭСП необходимо установить, имеется ли его второй признак: договор с кредитной организацией – оператором ЭДС.

При положительном ответе NFC-устройство можно считать элементом ЭСП. В противном случае – это средство доступа к нему [3].

Выводы:

1. ЭСП, и в частности различного вида карты, «электронные кошельки», «Интернет-банкинг» активно внедряются в жизнь общества, однако законодательное регулирование их использования отстает от потребностей гражданского оборота. В то время, как в западных правовых системах насчитываются сотни законодательных актов, посвященных «электронным деньгам», в России принят лишь один базовый закон «О национальной платежной

системе» от 27 июня 2011 года № 161-ФЗ. Пробелы в действующем законодательстве частично восполняются актами Банка России, что нельзя признать приемлемым выходом из создавшегося положения. Как следствие, контрагенты вынуждены прибегать к использованию общих положений Гражданского кодекса о договорах и норм законодательства об электронных документах [3, с. 19]. Все это влечет разную в их толковании и применении в одних и тех же ситуациях.

2. Общей тенденцией отечественного законодательства является установление ограничений на использование ЭСП вместо всемерного внедрения их в повседневную практику, как это происходит в развитых экономиках мира. Вызвана такая политика стремлением противодействовать легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Однако, как представляется, в этом вопросе должен быть найден разумный компромисс. Пока же следствием вводимых ограничительных мер является низкий спрос хозяйствующих субъектов на корпоративные средства платежа и незначительность разовых переводов денег, осуществляемых гражданами. Дальнейшее ужесточение режима использования электронных средств платежа может сгладить преимущества, связанные с переводом ЭДС, по сравнению с переводом обычных денежных средств.

3. В связи с употреблением законодателем весьма широкой дефиниции ЭСП как формы безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации, а также иных технических устройств и возникающей в связи с этим

неопределенности в отнесении тех или иных технических устройств к ЭСП необходимо руководствоваться двумя критериями, первый из которых состоит в возможности составлять, удостоверить и передавать распоряжения оператору ЭДС в целях осуществления перевода денежных средств, а второй – в оформлении указанной возможности договором, заключаемым с оператором ЭДС, являющимся кредитной организацией.

Список литературы:

1. Достов В. Л., Шуст П. Организация операций с электронными деньгами: общие и частные проблемы реализации <https://bankir.ru/publikacii/20130311/organizatsiya-operatsii-s-elektronnymi-dengami-obshchie-i-chastnye-problemy-realizatsii-10003120/> (Дата обращения: 18 декабря 2018 года).
2. Иванов В. Ю. Юридические особенности понятия «электронный кошелек» на сайте оператора платежной услуги. <http://xn----7sbbaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/9982> (Дата обращения: 4 ноября 2018 года).
3. Курбатов А. Я. Правовое регулирование электронных платежных систем по законодательству Российской Федерации. Государственный университет Высшей школы экономики / А. Я. Курбатов. М., 2007. С. 19.
4. Шибилева О. В., Грызунова Е. В. Электронные денежные средства: в чем их сила? // Молодой ученый. — 2013. — №3. — С. 304-308. <https://moluch.ru/archive/50/6326/> (Дата обращения: 9 июня 2018 года).

MEDICAL SCIENCES

ESTIMATION OF THE FUNCTION OF MUCOCILIARY CLEARANCE IN PATIENTS WITH BRAIN INJURY

Ashurov A.

Associate Professor of Otorhinolaryngology department
of Tashkent Institute of Advanced Medical Education

Khayruddinova Z.

Otorhinolaryngologist

Abstract:

The assessment of the functional state of mucociliary clearance in seriously ill patients with nasotracheal or orotracheal intubation tube and nasogastric probe. We examined 75 patients with various pathologies and injuries of the brain in serious condition. The functional state of the nasal mucosa in patients was assessed by the time of the mucociliar transport system. When finding nasotracheal tube and nasogastric probe in the nasal cavity for more than 4-5 days, there is a risk of developing nosocomial sinusitis that is alarming us to take preventive measures.

Key words: mucociliary clearance, nasotracheal intubation tube, orotracheal intubation tube, nasogastric probe.

Introduction. Intubation and probing of the upper respiratory tract is an essential attribute of comatose, severely ill patients and patients with craniocerebral injury (CCI). Sometimes these patients are under artificial lung ventilation (ALV) for a long time with a nasotracheal (NTI) or orotracheal intubation tube (OTI), a nasogastric probe (NGP).

The state of the paranasal sinuses (PNS) in patients with a combined injury of the bones of the facial skeleton who are under ALV for a long time, is not well investigated in the available literature.

Acute sinusitis that occurs in patients with a serious condition without damages of PNS refers to nosocomial pathology. Such condition may develop in a long stay of the endotracheal tube, the NGP in the nasal cavity. Being a foreign body, the latter interferes normal functioning of the ciliated epithelium of the nasal cavity, irritates the mucous membrane, and leads to edema, squeezing the blood vessels, impairing blood circulation, etc.

A steady tendency to the growth of nosocomial sinusitis, especially in patients with combined injury of the bones of the facial skeleton, determines the relevance and development of methods for predicting, preventing and treating these diseases [1,2]. Despite the presence in the doctor’s arsenal of a large number of treatment methods, the results do not always remain satisfactory [3].

PNS were previously considered as sterile, but there was founded a microflora that grows in the upper respiratory tract. Evidence is given that gram-negative bacteria can be found in material from the ENT - organs of weakened people who are not suffering from purulent-septic infections [5].

The purpose of this study is to assess the functional state of mucociliary clearance (MTS) in seriously ill patients with NTI, OTI and NGP.

Material and methods. 75 patients with various pathologies and injuries of the brain in serious condition were examined in the intensive care unit of the 1st clinical hospital in Tashkent. The age of patients was from 25 to 70. Of these men are 55, women are 20.

The functional state of the nasal mucosa in patients was assessed by the time of the mucociliar transport system (MTS) using visual (methylene blue) indicators that suggested as the method of C.Z. Piskunov et al. [4]. The survey was conducted on the 1st - 2nd day, the 4th - 5th day and the 7th - 8th day. The patients were divided into groups: the 1st group were patients with severe CCI of 15 people; the 2nd - patients with CCI and nasogastric probe (NGP) - 15 people; the 3rd - patients with severe CCI and nasotracheal intubation (NTI) - 15 people; and the 4th group with CCI and orotracheal intubation (OTI) of 20 people and the control group of 10 people, these are patients who are in the intensive care unit without CCI.

The results of the study are presented in table 1.

Table 1.

Dynamics of MTS function (in minutes) in patients under ALV and NGP.

The period of examination	Survey groups				
	Control N=10	Heavy CCI N=15	CCI + NGP N=15	CCI + NTI N=15	CCI + OTI N=20
1-2 day	8,60+ _{0,38}	8,85+ _{0,37} P>0,05	9,05+ _{0,32} P1>0,05	9,38+ _{0,35} P2<0,05	8,90+ _{0,30} P3=0,025
4-5th day	8,60+ _{0,38}	9,40+ _{0,37} P<0,01	9,61+ _{0,34} p>0,05	10,27+ _{0,38} P2<0,01	9,54+ _{0,35} P3<0,01
7-8th day	8,60+ _{0,28}	13,6+ _{0,47} p<0,001	14,5+ _{0,38} P1<0,025	17,35+ _{0,57} P2<0,001	16,45+ _{0,39} P3>0,05

p - the degree of credibility of differences in the average indicators of the MTS function in the groups of severe cranio-cerebral trauma and control; P1- in the groups of severe CCI + NGP and severe CCI; P2- in groups of severe CCI + NTI and severe CCI; P3- in the groups of severe CCI + OTI and severe CCI + NTI.

Discussion. Evaluation of the functional state of the nasal mucosa in patients with CCI compared with control ($p < 0.05$) revealed a reliable maximal inhibition of mucociliary clearance that was already at 4-5th days after intubation or probing. Various invasive procedures had a significant effect on MTS especially in cases with NTI, which reliably depressed the MTS function, starting from the first day ($P < 0.05$).

Conclusion. Thus, when finding NTI and NGP in the nasal cavity for more than 4-5 days, there is a risk of developing nosocomial sinusitis. This is alarming us to take preventive measures to guard nosocomial sinusitis from the first day after the patients' hospitalization.

Literature:

1. Zakarov, A.M. "The reduction of secondary factors of tissue damages with perftoran in early rehabilitation therapy of severe combined brain injury", 2007.
2. Zamerova, L.N. "Assessment of the severity of the condition of sufferers with a combined injury by the SAPS II integral scale". Abstracts of the reports of the II congress of the Association of Anesthesiologists and Resuscitators of the Central Federal District., 2005, p.30.
3. Piskunov, S.Z. "The study of the mucociliary transport system of the nasal mucosa in healthy individuals. Russian rhinology", 1995, No.3-4, p.60-62.
4. Semenov, A. V. "On the organization of medical care for patients with severe combined brain injury". Combined cranio-cerebral injury, 2005, pp. 42-46.
5. Sousova, E.V. "Epidemiology of purulent-septic infections of the ENT - organs in the conditions of outpatient clinics", Saint-Petersburg., 1997, P.150.

PHILOSOPHICAL SCIENCES

EVOLUTIONARY WAY TO SOLVE GLOBAL PROBLEMS

Ulyashkina G.

*Technological College № 24 Teacher of German and English
Moscow*

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ СПОСОБ РЕШЕНИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Уляшкина Г. В.

*технологический колледж № 24 преподаватель немецкого и английского языков
г. Москва*

Аннотация:

Решить глобальные проблемы можно лишь эволюционным путем. Для этого нужно развивать сознание людей. Экзистенциальный уровень сознания позволит людям рассматривать планету Земля как единый живой организм, в котором всё взаимосвязано. Благодаря экзистенциальному уровню сознания люди откажутся от войн и конфликтов и будут строить добровольные и равноправные связи, общение, взаимодействие не только друг с другом, но и окружающей природной средой и внутренним миром человека. Изучение внутреннего мира человека и его связей, общения, взаимодействия с окружающей природной средой, простирающейся до самых далёких звёзд и галактик, позволит людям в ближайшем будущем освоить атмосферное азотное питание, которое сделает обычную пищу, одежду и дом ненужными.

Abstract:

Global problems can only be solved by evolution. For this you need to develop the consciousness of people. The existential level of consciousness will allow people to view the planet Earth as a living organism, in which everything is interconnected. The existential level of consciousness will allow people to abandon wars and conflicts. The existential level of consciousness will allow people to build voluntary and equal connections, communication, interaction not only with each other, but also with the natural environment and the inner world of man. Studying the inner world of a person and his connections, communication, interaction with the environment, extending to the most distant stars and galaxies, will allow people to master atmospheric nitrogen nutrition, which will make ordinary food, clothing and home unnecessary.

Ключевые слова: общество будущего; атмосферное азотное питание; сознание; уровни сознания; субъектно-субъектные связи; глобальные проблемы; здоровье людей.

Keywords: society of the future; atmospheric nitrogen nutrition; consciousness; levels of consciousness; subject-subject relations; global problems; people's health.

Человек – дитя Природы, и мать-Природа вправе ожидать от своих детей взаимопонимания, любви и заботы. К сожалению, люди, увлечённые техническим прогрессом, не понимают, что Природа развивается циклично, что день не может длиться вечно, что за летом, согласно законам Природы, последует зима, и что технический прогресс – это лишь одна из ступеней в череде ступеней развития человеческого общества. Сегодня, нарастающая темпы гонки вооружений и технического прогресса, работающего в первую очередь на военные нужды, люди ставят под угрозу физическое существование человека и планеты.

Но, если не войны и возникший в результате войн технический прогресс, то где и в какой области человек сможет проявить свою интеллектуальную силу и реализовать свой творческий потенциал, спрашивают себя и простые, и учёные люди. (Ф. Фукуяма «Конец истории и последний человек») Ответ на этот вопрос можно найти в трудах П.К. Иванова, создавшего учение об эволюции Природы и человека, представителей русского космизма (Н.Ф. Федорова, В.И. Вернадского, К.Э. Циолковского и др.) говорящих о том, что условия

жизни на планете Земля будут меняться, представителей немецкого экзистенциализма (К. Ясперса, М. Хайдеггера и др.) научно объясняющих природу трансцендентальных способностей человека.

Суть учения П.К. Иванова заключается в том, что все люди, живущие на планете Земля, при определённых условиях в той, или иной степени способны усваивать атмосферный азот и питаться им как обычной пищей. Люди, питающиеся азотом, существовали во все времена, но атмосферное азотное питание было привилегией избранных. Лишь в 1933 году П.К. Иванову пришла в голову идея обучить всех людей планеты атмосферному азотному питанию, которое сделает привычную пищу, одежду и дом ненужными и тем самым решит все глобальные проблемы.

Мотивом создания такого учения послужили голод, холод и унижения, пережитые П.К. Ивановым, его близкими и знакомыми во время Первой мировой войны, Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и последующих социальных катаклизмов. Эти трагические переживания пробудили в душе П.К. Иванова непреодолимое желание помочь «бедным, больным и обиженным людям» и научить их питаться атмосферным

азотом. Однако эта задача оказалась архисложной задачей, которая потребовала от П.К. Иванова титанических усилий и огромного самопожертвования в течение всей его жизни.

В ходе проведения научного эксперимента по освоению атмосферного азотного питания П.К. Ивановым было выявлено, что «бедные, больные и обиженные люди» являются и продуктом, и жертвой авторитарного мировоззрения, основывающегося на насильственных и подчинительных субъектно-объектных связях, общении и взаимодействии. Чтобы научиться питаться атмосферным азотом, «бедным, больным и обиженным людям» в 30-ых годах 20-го столетия необходимо было отказаться от авторитарного мировоззрения и вместо насильственных и подчинительных отношений строить добровольные и равноправные субъектно-субъектные связи, общение, взаимодействие с членами семьи, соседями, коллегами и всеми другими людьми без исключения. В 60-70 годах 20-го века в науке мировоззрение, основывающееся на добровольных и равноправных субъектно-субъектных социальных отношениях связях, общении, стало обозначаться термином «гуманистическое мировоззрение». Формирование основ гуманистического мировоззрения ещё в 30-е годы 20-го столетия стало для П.К. Иванова первоочередной задачей.

В ходе эксперимента также было выявлено, что «бедные, больные и обиженные люди» имеют очень низкий уровень сознания. П.К. Иванов рассказывает, что однажды, когда он шёл по снегу босиком, женщины, стоявшие у колодца, стали смеяться, а за тем и насмехаться над ним. Тогда он понял, что с сознанием людей «что-то не так», и что с этой проблемой нужно «разбираться». Формирование более высоких уровней сознания стало для П.К. Иванова другой очень важной задачей.

Несколько десятилетий спустя немецкий учёный К. Ясперс, основываясь на результатах научных исследований, сообщил научному сообществу о зарождении нового, до этого не существовавшего уровня сознания и создал классификацию, характеризующую уровни сознания современных людей. Согласно этой классификации, подавляющее большинство последователей учения П.К. Иванова были носителями самого низкого - эмпирического уровня сознания. Таких людей заботило только благополучие тела, безопасность и удовлетворение насущных потребностей. Однако П.К. Иванов работал с такими людьми и в помощи никому не отказал. Укрепив здоровье, многие носители эмпирического уровня сознания вскоре забывали об учении П.К. Иванова.

П.К. Иванов очень радовался, когда за помощью к нему обращались представители информационного уровня сознания, для которых обмен новыми знаниями был выше пищи, безопасности и удовлетворения насущных потребностей. Это были учителя, врачи, научные сотрудники. Узнав об учении П.К. Иванова, они несли новые знания в широкие народные массы и тем самым распространяли учение об эволюции Природы и человека.

Великим счастьем для П.К. Иванова было общение с профессорами - светилами наук, которые по своему происхождению и социальному статусу были призваны отождествлять своё благополучие с благополучием общества и заботиться о здоровье и просвещении всего народа. Но духовный уровень сознания представителей научной элиты не позволил учёным принять учение П.К. Иванова на вооружение.

Нежелание прославленных мужей учиться атмосферному азотному питанию очень расстраивало П.К. Иванова. Но он никогда ни на кого не обижался, понимая, что только новый, более высокий уровень сознания, основывающийся на добровольных и равноправных субъектно-субъектных связях, общении, взаимодействии людей друг с другом, окружающей природной средой и внутренним миром человека позволит его носителям рассматривать планету Земля как единый живой организм, в котором всё взаимосвязано, и вплотную подойти к решению проблемы, связанной с освоением атмосферного азотного питания. В последствии этот уровень сознания немецкий учёный К. Ясперс обозначил термином «экзистенциальный». Носители экзистенциального уровня сознания видят свою миссию в просвещении всех людей и осознают свою ответственность за благополучие и процветание нашей планеты. В 30-ых годах 20-го столетия для П.К. Иванова задача формирования экзистенциального уровня сознания стала другой очень важной задачей.

Другой очень важной задачей для П.К. Иванова стала задача «изменения направления потока сознания», согласно которой вектор активной сознательной деятельности современных людей должен быть переориентирован с наращивания темпов производства вооружений на изучение внутреннего мира человека и его связей, общения, взаимодействия с окружающей природной средой. Он был глубоко убеждён, что людям только стоит узнать об идеи атмосферного азотного питания, и они «обязательно сделают это! А то, чего сегодня нет, будет, обязательно будет».

Учение П.К. Иванова об эволюции Природы и человека соответствует всем научным требованиям. Для внедрения учения в жизнь современного общества П.К. Иванов разработал методические рекомендации. В широких научных кругах и в народе эти рекомендации известны как система оздоровления под названием «Детка». Система оздоровления направлена на создание комплекса физических, психических и духовных условий, позволяющих людям перестроить насильственные, подчинительные субъектно-объектные связи с другими людьми, окружающей природной средой и внутренним миром человека в добровольные, равноправные субъектно-субъектные связи. Эффективность методических рекомендаций проверялась в ходе научного эксперимента, длившегося около пяти десятилетий. В этом эксперименте было задействовано большое количество людей, которые впоследствии распространили учение П.К. Иванова по всему земному шару. Сегодня этим методическим рекомендациям

следуют тысячи людей, живущих в нашей стране и других странах мира.

Система оздоровления П.К. Иванова предназначена для индивидуального пользования и учитывает все индивидуальные особенности людей. Поэтому многие её последователи не раскрывают свои успехи и неудачи. Тем самым они не выполняют один из пунктов методических рекомендаций П.К. Иванова, который гласит: «поделись своим опытом». Но, если посмотреть на эту проблему с другой стороны, то следует отметить, что в настоящее время людей больше всего волнует гонка вооружений и военные конфликты. А как известно, спрос рождает предложение и, следовательно, время обмена опытом ещё не пришло.

Список литературы:

1. Баландин Рудольф Вернадский - жизнь, мысль, бессмертие
http://thelib.ru/books/balandin_rudolf/vernadskiy_zhizn_misl_bessmertie-read.html
2. Бронников А.Ю. Б 88 Учитель Иванов. Его дорога. – М.: Издательство Оникс. 2006. -560с., ил.
3. Варка С. Г. «Освое время» Карла Ясперса
<http://fb.ru/article/58713/osevoe-vremya-karla-yaspersa>

4. . Дзигов В. Вернадский о геологической силе общества // «Академия Тринитаризма», М., Эл № 77-6567, публ.18418, 04.01.2014

5. КАРЛ ЯСПЕРС СМЫСЛ И НАЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИИ МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1991 ББК 87.3в03 Я83 Смысл и назначение истории: Пер. с нем. - М.: Политиздат, 1991.— 527 с. - (Мыслители XX в.). ISBN 5 – 250 – 01357

6. file:///C:/Users/User/AppData/Local/Package s/Microsoft.MicrosoftEdge_8wekyb3d8bbwe/TempState/Downloads/Ясперс_Смысл_и_назначение_истории_полн.pdf

7. https://ru.wikipedia.org/wiki/Конец_истории_и_последний_человек

8. https://ru.wikipedia.org/wiki/Столкновение_цивилизаций

9. https://ru.wikipedia.org/wiki/Фёдоров,_Николай_Фёдорович
<http://fb.ru/article/2>

10. https://ru.wikipedia.org/wiki/Циолковский,_Константин_Эдуардович

POLITICAL SCIENCE

ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ИСТОРИКО-ПРАВОВОМ ПРОЦЕССЕ

Андреева О.А.,

*Профессор кафедры Теории и истории государства и права
Таганрогского института управления и экономики,
доктор философских наук, проф.,
г. Таганрог*

Остапенко А.С.

*Кандидат юридических наук,
г. Таганрог*

INTERACTION OF PUBLIC AUTHORITIES AND CIVIL SOCIETY IN THE HISTORICAL AND LEGAL PROCESS

Andreeva O.,

*Professor of the Department of Theory and History of State and Law
Taganrog Management and Economics Institute,
Doctor of philosophical sciences, Prof., Taganrog*

Ostapenko A.

Candidate of legal sciences, Taganrog

Аннотация:

Статья посвящена проблемам нахождения консенсуса между публичной властью и гражданским обществом, который не всегда достижим, в силу того, что возможности для него есть, но они не реализованы или по разным причинам упущены сторонами. В иные исторические периоды отношения власти и общества строились на основе правового неравенства, а гражданское общество возникало в силу, как определенных социально-экономических условий, так и субъективного фактора, как готовности и решимости граждан создавать и отстаивать его. В настоящее время идея гражданского общества в том понимании, в котором она существовала в прошлом, изменилась в условиях научно-технического прогресса. В частности, информатизация общественных отношений приводит к необходимости переосмысления характера взаимоотношений гражданского общества и государства, которое используя цифровые технологии, приобретает новые механизмы управления, расширяющие коммуникативные возможности внутри социума.

Abstract:

The article is devoted to the problems of finding a consensus between the public authorities and civil society, which is not always achievable, due to the fact that there are opportunities for it, but they are not realized or for various reasons missed by the parties. In other historical periods, the relations between the government and society were based on legal inequality, and civil society arose due to both certain socio-economic conditions and the subjective factor, as well as the willingness and determination of citizens to create and defend it. Currently, the idea of civil society in the sense in which it existed in the past has changed in the context of scientific and technological progress. In particular, the Informatization of social relations leads to the need to rethink the nature of the relationship between civil society and the state, which, using digital technology, acquires new management mechanisms that expand communication opportunities within society.

Ключевые слова: гражданское общество, публичная власть, функции государства, коммуникация, информационные технологии

Keywords: civil society, public authorities, state function, communication, information technology

Проблемы взаимодействия государства и социума возникали в истории формирования системы организации публичной власти и продолжают до настоящего времени, сопровождая ее. Эволюция органов государственной власти, права, а затем и гражданского общества была связана с переменами и сдвигами в содержании социально-экономического и политического развития, отражающегося во взаимодействиях публичной власти и граждан, по-разному реагирующих на социальные изменения и, прежде всего, в сфере труда и его распределения. Так, например, остается в тени функция государства, заключающаяся в принуждении населения к

труду, его организации и контроля его меры. Благодаря этому возможно появление и реализация других функций государства, что не всегда осознается в теории, тогда как заставить людей трудиться является главной задачей любого государства: посредством рабства, закрепощения, внеэкономического принуждения, системы привилегий, налоговых послаблений и проч.

Принудительная функция государства, как правило, затеняется правовой идеологией путем провозглашения свободы труда, прикрывается теорией естественного неравенства людей в процессе труда и нарушения справедливости в присвоении

его результатов. По этой причине принуждение к труду, даже в известных работах, не рассматривается в качестве одного из признаков государства. М.О. Акишин указывает, что «природа государства определяет не его функции, а государственную политику по их осуществлению... – функции любого государства возникают в результате его взаимодействия с иными подсистемами общества – экономической, социальной, культурной и политической» [1, с. 60], что в полной мере применимо и к гражданскому обществу

Добавим к этому функцию подавления внутривидовой преступности, заключающуюся в том, что она является одной из причин возникновения государства и появления в будущем гражданского общества, поскольку практика всегда выдвигала ее на одно из первых мест. Начиная с глубокой древности, законы карали, главным образом, за преступления, которые воспринимались в контексте оппозиционных категорий, таких как правый и неправый, разрешенный и запрещенный, законный и незаконный и других. Так, например, еще в XVIII в. до н.э. в Вавилоне царь Хаммурапи в своих законах определяет их главное социальное назначение: «...чтобы справедливость в стране заставить сиять, чтобы уничтожить преступников и злых, чтобы сильный не притеснял слабого...» [7]. Таким образом, он выдвинул на первый план задачу стабилизации общественных отношений и, не доводя до конфликтов имеющиеся противоречия, управления государством, цель которого – уравновесить интересы различных социальных групп, в противном случае способные довести до, как экономического, так и политического кризиса.

Мысль древних о том, что законодатель должен стремиться к добрым нравам, а затем к хорошим законам, является основополагающей для конструкции гражданского общества, формирующегося на базе гражданского согласия. Лукиан приводит мысль древнегреческого философа Демонакта, который считал, что «по всей видимости, законы совершенно бесполезны – ведь хорошие люди вовсе не нуждаются в законах, а другие не становятся от них лучше» [9, с. 334]. Через столетия с ним перекликается Конституция РФ, провозглашая, что «сохраняя исторически сложившееся государственное единство» [8], следует исходить «из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями» [8], что является задачей не только правового государства, но и гражданина, гражданского общества как формы интеллектуального, нравственного существования социума или, по крайней мере, его части. Государственное и гражданское начала общественной жизни связаны воедино через принцип соединенности «общей судьбой на своей земле» [8]. Следовательно, преамбулу Конституции РФ можно рассматривать как генотип правового государства, так как она задает тональность всему содержанию современной правовой культуры.

Идея гражданского общества базируется не столько на достижениях демократических ценно-

стей, а на их воплощении в справедливой организации труда, результаты которого, согласно Конституции РФ (ст. 37) [8], лежат в основе прав и свобод человека. Таким образом, подтверждается известный социологический постулат, что труд является основой существования не только государства и гражданского общества, но и всего человечества в целом, и вся борьба в истории, в конечном счете, происходила вокруг форм его организации и способов распределения его результатов. Уровень развития любой цивилизации, в том числе и ее правовая культура, определяется уровнем организации труда, которому соответствует определенный тип форм правления, политический режим и своя модель гражданского общества.

Право, не опирающиеся на принцип гуманизма, преследует корыстно-классовые или карательные цели, и только общественный прогресс постепенно придает ему нравственный смысл. Юридический позитивизм отождествляет право и закон, рассматривая их как однозначные понятия, тогда как естественно-правовые концепции исходят из их различия. Естественное право, существующее в виде идей, принципов и теорий, находит отражение в морали, нравственности и других социальных нормах, которые впоследствии закрепляются в нормативных правовых актах. Например, право амнистии и помилования, содержащиеся в законах, несет в себе нравственное требование прощения близкого, так как мораль и религия ставят главной целью не наказание, а реабилитацию человека, что было воспринято в течение Нового времени, а затем стало частью действующего права.

Гуманизм Нового времени оказал свое влияние на смягчение строгости и неотвратимости наказания. Так, например, в философии Г.В.Ф. Гегеля наказание есть не только средство и орудие восстановления нарушенного права, но также и право самого преступника, заложенное уже в его деянии как поступке свободной личности. Снятие преступления через наказание приводит, по Гегелю, к морали [4, с. 156-163]. Таким образом, лишь в поступке субъективная воля и моральные переживания, выраженные в мотивах, умыслах и целях, достигают объективности и, следовательно, сферы действия закона; сами же по себе они ненаказуемы.

На фоне дискуссий о социализации современного человека на самом деле происходит его отчуждение от государства и общества, в силу чего гражданское общество остается не у дел, так как все вопросы общественной жизни государство берет в свои руки. «Российской традицией, воспринимаемой населением в качестве должного, является то, что все реформы и большинство инициатив идут «сверху», предлагаются и проводятся государством. Причем без реального обсуждения «снизу». Либо же мнение общественности выслушивается, но к нему не прислушиваются» [5, с. 24]. В результате главной задачей становится не развитие демократических свобод, а приспособление к складывающемуся порядку. Большое число политических и общественных институтов начинают создаваться не в качестве элементов гражданского общества, а

инструментов группового выбивания у государства благ и привилегий исключительно для собственной корпорации, где общее благо служит лишь прикрытием.

Превалирование корпоративных интересов приносит в жертву идею служения социуму, что не придает оптимизма процессу формирования институтов гражданского общества, которые в идеале должны стать посредником между гражданином и государством, в качестве защитника интересов человека. По этой причине или в силу отвлеченности в вопросе становления гражданского общества, современная цивилизация идет к утрате идеи ценности личности, справедливого государства и свободы творчества, к противопоставлению науки, общества и религии. «Современный человек с нищим духом – это тот, у кого узкий кругозор, невысокие духовные, интеллектуальные, умственные способности, «нищий ум», низость духовных интересов» [2, с. 21], – пишет Д.П. Амичба. При этом развитие государственности никогда не происходит в отрыве от общества, что подтверждается историей развития государственно-правовых структур, эволюционирующих вместе с обществом и мировоззренческими концепциями, сменяющими одна другую.

Наблюдаемые в современном российском обществе процессы продиктованы многими причинами, связанными с различными уровнями жизни населения и утратой идеи среднего класса при постоянном реформировании финансово-экономической сферы. В результате происходит разрыв между интересами государства и граждан, что может привести к непониманию причин возможных конфликтов, приводящих к обострению общественных противоречий. В.Е. Чиркин указывает, что «высшей формой проявления власти, суверенитета народа является в определенных ситуациях мирная или насильственная революция» [11, с. 6]. Следовательно, рискованная ситуация не всегда может быть разрешена в пользу одной из сторон, а несет в себе опасность слома всей общественно-политической целостности, скатывания общественного бытия в хаос нестабильности.

Консенсус между публичной властью и гражданским обществом не всегда достижим, так как потенциальные возможности для него имеются, но не всегда реализуются или по разным причинам упущены сторонами. Они существовали в прошлом, формируются в настоящем и будут в будущем. Примером тому является история Афинского государства во времена Перикла, Ганзейского союза, Древнего Новгорода, Конфедерации швейцарских кантонов и др., но в те времена отношения власти и общества строились на основе правового неравенства. Гражданское общество в античном мире погубила не демократия, а рабство, которое сделало ненужным свободный труд и базирующееся на нем гражданское общество. В свою очередь развитие буржуазных отношений сделало ненужным Ганзейский союз. Из этого следует, что гражданское общество не является обязательным атрибутом социума, а возникает в силу, как определенных социально-экономических условий, так и субъективного фактора, как готовности и решимости граждан создавать и отстаивать его

или утрачивать при недостатке воли к самоуправлению в условиях существующей социально-политической системы.

Трансформации материальной жизни общества влекут за собой изменения в духовной сфере, формируя новое правосознание, моральные и духовные ценности. Л.С. Явич писал, что «чаще всего различают две основные формы освоения сознанием окружающей человека реальности – научное познание и оценочное, последнее осуществляется в искусстве, морали и праве. Мы привыкли к тому, что лишь наука (логическое, теоретическое знание) служит средством познания. Между тем еще К. Маркс обращал внимание на отличие ее от иных средств духовного освоения мира – от художественного, религиозного, практического познания» [12, с. 61]. Следовательно, постепенно приходит понимание того, что разброс представлений, идей и концепций, как научных, профессиональных, религиозных, культурных, так и существующих в обыденном сознании людей по вопросам взаимодействия граждан и публичной власти является закономерным, связанным с формированием самоидентификации и самосознанием процессом, позволяющим человеку принимать решения и поступать в соответствии с ними.

В условиях информатизации общественных отношений происходит дихотомия социализации личности, когда изначально общественный по своей природе человек становится одиноким в мире огромного количества доступной информации и возможностей операций с ней, создающих цифровые аналоги общественных отношений. С другой стороны, ориентация на СМИ приводит к тому, что «вся социальная жизнь организуется вокруг потребления товаров, что приносит потребителям статус, престиж и идентичность... ..и сегодня мы наблюдаем историческое вырождение социальности. Кончается эпоха идеологических битв, прогресса и демократии, творчества и просвещения, наступают времена, когда миром правят предметы, иллюзии, видимость, фантазии» [10, с. 9-10]. Поэтому идея гражданского общества в том понимании, в котором она существовала в прошлом, изменилась в условиях научно-технического прогресса, расширившего коммуникационные возможности между гражданами и публичной властью.

В постиндустриальном информационном обществе изменения в сфере общественных отношений отражаются и в изменяющихся функциях публичной власти, что приводит к переосмыслению их характера и необходимости прогнозирования их содержания в будущем. Цифровые технологии используемые в управленческих процессах, расширяют возможности контроля деятельности публичной власти, ее реагирования на запросы граждан и принятия политических значимых решений, что, по-нашему мнению, в рамках общественного договора (Конституция), позволяет средствами юридической техники регулировать различные нюансы взаимоотношений власти и населения с тем, чтобы избежать их нестабильности, приводящей к рискам дестабилизации. Задача граждан-

ского общества – наиболее адекватно выразить степень социального консенсуса, что может быть достигнуто на основе общественного договора между ним и публичной властью. Правовые отношения, построенные на иных основах, испытали все перипетии революционных потрясений и классовых борьбы, которые разрушали то, что было создано другими поколениями. Такой результат был получен в условиях опережения политикой права и экономики и отсутствия такой социальной структуры, как гражданское общество, существовавшее в то время лишь в качестве формальной возможности.

В настоящее время существуют способы взаимодействия публичной власти и социума посредством «электронного правительства», «электронных выборов», «электронной бюрократии» и т.д., позволяющие с одной стороны контролировать деятельность власти, делать ее более открытой, а с другой – получать от нее всевозможные услуги. Государственное «цифровое управление», внедрение принципа «единого окна» находит отражение в уменьшении времени на принятие решений, обеспечивает обратную связь органов власти с населением. В.Н. Зайковский пишет, что сервисное государство это «соответствующая постиндустриальной стадии развития человеческого сообщества технология государственного и муниципального управления, в рамках которой властные структуры рассматриваются в качестве поставщиков определенного вида услуг, а граждане – как их потребители, и где для осуществления возникающих при этом социальных взаимодействий активно используются электронные средства коммуникации» [6, с. 36]. По сути же, сервисное, «электронное» государство может быть отождествлено с социальным государством [3, с. 3-11], представляющим собой, прежде всего, состояние системы органов государственной власти, отвечающее нуждам граждан.

Вместе с тем в истории государства и права пока наблюдается только односторонний процесс усиления власти государства. Но теоретически можно предположить, что развитие гражданского общества сведет сокращение функций государства до минимума, оставляя за ним только те, которые действительно не свойственны гражданскому обществу. Таким образом, крайности сходятся, а коммунизм, либерализм и консерватизм приходят к одному выводу о необходимости трансформации сущности государства в условиях информационного общества и развития общественной самостоятельности средствами информационно-коммуникационных технологий. Можно предположить, что возрождение идеи гражданского общества проис-

ходит в связи с расширением возможностей использования тех рычагов контроля власти, которые поставят ее в зависимость от гражданского общества. Поэтому идея либерализма о том, что «государство – это ночной сторож», может реализоваться в современных условиях, также как и идея коммунизма об отмирании государства вообще.

Список литературы:

1. Акишин М.О. Функции государства и процесс модернизации // Ленинградский юридический журнал. – 2011. – № 3 – С. 58-74
2. Амичба Д.П. «Нищий дух»/«Нищий ум» как концепты-конструкты «общечеловеческого» смысла и значения // Научный потенциал. – 2014. – № 2 – С. 20-24
3. Бачило И.Л. Государство социальное или сервисное? (Информационно-правовой аспект) // Право. Журнал высшей школы экономики. – 2010. – № 1 – С. 3-11
4. Гегель Г.В.Ф. Философия права. Пер. с нем.: Ред. и сост. Д.А. Керимов и В.С. Нерсесянц. – М.: Мысль, 1990. – 530 с.
5. Демичев А.А. Пути формирования гражданского общества в России: история и современность // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2018. – № 2 – С. 22-26
6. Зайковский В.Н. Сервисное государство: новая парадигма или современная технология государственного управления? // Дайджест-финансы. – 2014. – № 3 – С. 35-45
7. Законы Хаммурапи [Электронный ресурс] / <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/hammurap.htm> (10.02.2019)
8. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // СЗ РФ от 04.08.2014 г. № 31, ст. 4398.
9. Лукиан. Избранное. – М.: Художественная литература, 1987. – 624 с.
10. Савка А.В., Кучуков Р.А. Глобальный капитализм и кризис культуры / Европейская культура: вызовы современности = The European culture: the challenges of modernity / [под. ред. Е.В. Водопьяновой]. – М.: Ин-т Европы РАН, 2014. – 84с.
11. Чиркин В.Е. Конституция и современные модели публичной власти: идеологемы и реалии // Государство и право. – 2011. – № 6 – С. 5-13
12. Явич Л.С. Общая теория права. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 285 с.

PSYCHOLOGICAL SCIENCES

ФЕНОМЕН СОЗНАНИЯ ИЛИ СОЗНАНИЕ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ

Таббергенов С.

врач- психиатр высшей категории

PHENOMENON OF CONSCIOUSNESS OR THE CONSCIOUSNESS AS AN INDEPENDENT ENTITY

Tapbergenov S.

Taldykorgan. Kazakhstan

Аннотация:

Сложность психической организации человека определяет необходимость применения различных методов и форм исследования, почему изучение психических процессов выходит за рамки одной научной дисциплины. По этой причине нами использовались данные различных исследований. Остается открытым вопрос о сущности процесса представления. Выдвигаются даже предположения о наличии представления у высших животных. Отсутствует четкая дифференциация таких основополагающих понятий как субъективность и идеальность. Понятие «идеальное» требует более конкретной разработки. Не раскрыта природа чувственных отношений и их роль в когнитивных процессах человека. Неясным остается феномен человеческого сознания, его генез. Не раскрыта природа человеческой воли. Основа наших разработок определена, тем, что раскрытие сущности психического и ее высшей формы - человеческого сознания, требует интегративного подхода в силу системности самой организации всего живого.

Abstract:

The complexity of the mental organization of a person determines the need for the use of various methods and forms of research, why the study of mental processes is beyond the scope of one scientific discipline. For this reason, we used data from various studies. The question of the nature of the presentation process remains open. Even assumptions about the presence of representation in higher animals are put forward. There is no clear differentiation of such fundamental concepts as subjectivity and ideality. The concept of "ideal" requires a more specific development. The nature of sensual relations and their role in human cognitive processes are not disclosed. The phenomenon of human consciousness and its Genesis remains unclear. The nature of the human will is not revealed. The basis of our development is determined by the fact that the disclosure of the essence of the mental and its highest form - human consciousness, requires an integrative approach due to the systemic nature of the organization of all living things.

Ключевые слова: субъективное, природа знания, произвольность поведения, представление, бессознательное, долговременная образная память, эмоциональная память, предмет потребности, стимульная ситуация, сознание, эмоциональные и чувственные отношения, идеальные когнитивные мотивы, произвольность когнитивных процессов, поле сознания, идеальное, воображение, вербально-семантическая память, поступок, самосознание, воля, произвольность мотивации, духовная свобода личности, подсознание.

Keywords: subjective, nature of knowledge, arbitrariness of behavior, representation, unconscious, long-term figurative memory, emotional memory, subject of need, stimulus situation, consciousness, emotional and sensual relations, ideal cognitive motives, arbitrariness of cognitive processes, field of consciousness, ideal, imagination, verbal-semantic memory, deed, self-awareness, will, arbitrariness of motivation, spiritual freedom of the individual, the subconscious.

«Вопрос о существовании у животных представлений до сих пор служит предметом споров» - констатирует А.Н.Леонтьев. Тут же продолжая - «Однако огромное число фактов убедительно свидетельствуют о том, что животные имеют представления», приводя в пример опыты, проведенные Тинклоу на обезьянах, Н.Ю. Войтонисом с лисами, И.С. Беритовым на собаках [2]. Действительно, воспроизводство раннее воспринятого - это то, что объединяет психическую организацию высших животных и человека. Но все же, допущение наличия представления у высших животных равносильно признанию наличия у них сознания. В чем же тогда заключается сущность феномена «представление»? Познавательные процессы заключаются в выра-

ботке индивидуальных знаний. О.К.Тихомиров отмечает, что «Мышление всегда субъективно... даже в том случае, когда оно правильно и адекватно отражает внешний мир».[5] Действительно, продукция мышления вырабатывается субъектом и принадлежит ему. Выработка индивидуальных знаний с мотивацией ими поведения является *субъективным психическим процессом* и именно это преобразует индивида в *субъект*. В определении понятия «знание» С.Д.Смирнов отмечает: «...непосредственные следы внешних воздействий на органы чувств еще не является знанием или его самостоятельным элементом.»[4] В качестве *знания* выступает лишь та отраженная информация, которая *приобретает конкретное значение для ее обладателя*

с определением *индивидуального отношения* к соответствующим объектам и факторам окружающей среды. В этом и заключается смысл *знания* и основная форма ее существования. Знание есть там, где есть *узнавание*, то есть *идентификация* воспринимаемого с ранее воспринятым и переносом на него уже выработанного эмоционального отношения. Таким образом, *природа знания определяет сущность субъективности*. Именно в процессе *индивидуального познания и рождается субъективность*. *Поднятие психических функций до когнитивного уровня, с выработкой индивидуальных эмоциональных отношений и мотивацией ими поведения, присуще высшим животным.* [6] Именно мотивация обеспечила *произвольность поведения* высших животных.

Если когнитивные процессы восприятия и воспроизводства ранее воспринятого, с выработкой *индивидуальных эмоциональных отношений*, являются субъективными отражательными процессами, то *представление – это уже идеальный отражательный процесс*. Между субъективным и идеальным, не смотря на их общность и взаимосвязь, существует принципиальное различие. *Представление* - это не просто воспроизводство и преобразование образов ранее воспринятого, а воспроизводство и преобразование осуществляемые *произвольно*. Становление произвольности когнитивных процессов основывается на врожденной потребности в познании присущей уже высшим животным [6]. Однако для приобретения способности *представлять* потребовалось качественное преобразование психических функций. *Субъективные когнитивные процессы остаются бессознательными*. Способность представления связана с развитием *долговременной образной памяти* и преобразованием *эмоциональной сферы*. Развитие образной памяти закономерно оказывало *стимулирующее влияние на развитие эмоциональной сферы* включающую в себя *память эмоциональную*. Именно взаимосвязанное развитие и преобразование указанных сфер открывало новые возможности в сохранении, воспроизводстве и переработке отраженного содержания. Об *этапности развития способности представлять* свидетельствуют опыты Пиаже по развитию когнитивных способностей у детей (1954).

У высших животных, как и у человека, *выработанные эмоциональные отношения и реакции пробуждаются непроизвольно*, как в связи с восприятием объекта проекции действующей потребности, то есть *предмета потребности*, так и при восприятии *сигнальных раздражений*. *Пробудившиеся эмоциональные отношения выступают в качестве мотива поведенческой активности*. Однако, для пробуждения когнитивной активности у высших животных, да и у человека на начальных этапах развития его психики, в качестве *мотива когнитивной активности* эмоциональные отношения выступают *исключительно в стимульных (проблемных) ситуациях*. Даже при высоком развитии образной памяти присущей приматам и дель-

финам, отмечаемом А. Реаном [3], *активация когнитивной активности высших животных определяется внешними стимулами*. И все же, именно эмоциональные отношения *определяют направленность преобразования воспринимаемых и воспроизводимых образов в поиске выхода из проблемной ситуации*.

В условиях прогрессивного развития образной памяти и эмоциональной сферы у человека, под воздействием более полного воспроизводства образов воспринятого, *эмоции преобразуются*, обретая большую насыщенность и начиная выступать в качестве *внутреннего мотива мыслительных операций*. Такое действие эмоциональных отношений является моментом их преобразования в *отношения чувственные*. *Внутренняя мотивация и обусловила произвольность процессов воспроизводства и преобразования образов ранее воспринятого, когнитивной активности в целом*. Явилось моментом зарождения сознания. *Формирование произвольности когнитивных процессов, как уже отмечено, осуществлялось поэтапно*. Первичным проявлением *произвольности* этих процессов явилось становление их *независимости от наличной ситуации*. Преобразование эмоциональных отношений в чувственные обусловило активацию когнитивных процессов *вне стимульной ситуации*, однако, еще *при восприятии предмета потребности*. *Восприятие предмета потребности пробуждает чувственное отношение к этому объекту с воспроизводством связанных с ним образов ранее воспринятого и активацией когнитивных процессов*. Конечно же, в первую очередь образы выражающих имевшую место или еще переживаемую проблемную ситуацию. *Иначе, ситуацию, оказавшую значимое эмоциональное воздействие и тем более продолжающую ее оказывать*. Постепенно чувственные отношения начинают обеспечивать воспроизводство образов ранее воспринятого и вне непосредственного восприятия предмета потребности. *Образ предмета потребности пробуждается на основе его ассоциативного воспроизводства*. А именно, *воспроизводства связанного с восприятием тех окружающих объектов (вещей), с которыми была образована его ассоциативная связь в процессе имевшего место поиска решения проблемной ситуации*. *Воспроизводство образа предмета потребности также вызывает пробуждение чувственного отношения к нему с активацией последующих мыслительных операций*. Таким образом, достигается *независимость когнитивных процессов от наличной ситуации*. В конечном результате они начинают осуществляться вне всякой связи с наличной ситуацией.

На начальном этапе развития представлений, а значит и становления сознания, *воспроизводимые образы, в связи с незрелостью чувственных отношений (внутренних мотивов), могут гиперболизироваться погружая субъекта познания в овладевающее ими состояние, или состояние грез, «сна наяву»*. Вводя субъекта их обладателя даже в состояние *эмоциональной ажитации*. Это и теперь

характерно для детского возраста, для лиц с неокрепшей душевной организацией. Необходим адекватный внешний раздражитель, чтобы они смогли выйти из этого состояния. Чем менее рациональны и конгруэнтны чувственные отношения человека и соответствующие им установки (как установившиеся реакции на основе чувственных отношений) тем более он внушаем. Тем более требуется развитие чувственных отношений с соответствующей гармонизацией его душевной организации.

Образное мышление с рождением внутренних мотивов поднимается на качественно новый уровень. Оно включает в себя воспроизводство и удержание в поле внимания не только воспринятые, но и сконструированные образы со способностью оперировать ими. В процессе развития представления (образного мышления) интрапсихические связи могут производиться не только между образами наличного восприятия и воспроизводимыми образами, но и между самими воспроизводимыми образами. С развитием образного мышления **преобразованию** подвергаются и сами **чувственные отношения**. Ими приобретает все большая разно-плановость и разнообразие, а в последующем рациональность, логическая обоснованность и соответственно конгруэнтность. Совместно с развитием чувственных отношений закономерно **подвержено развитию произвольность когнитивных процессов**. Начинает осуществляться соотношение и образование связей не просто между воспроизводимыми образами, но и сконструированными в том числе. Чувственные отношения начинают мотивировать на поиск реализации пробудившейся потребности или воспроизведенной проблемы не просто вне связи с наличной ситуацией, но и в отрыве от практических действий, то есть уже **умозрительно**. Иначе, чувственные отношения выступают в качестве **идеальных когнитивных мотивов**. Эмоциональные же отношения высших животных выступают мотивом поиска решения проблемной ситуации только в ней самой, то есть в неразрывном единстве мотивации практической и познавательной деятельности. Пробуждение образов выражающих нерешенную или нереализованную, но имевшую место проблему (нереализованное желание) с их удержанием в поле внимания и является представлением или **умозрительной постановкой проблемы**. Концентрация внимания на образе проблемной ситуации выступает **субъективной потребностью** ее решения, иначе является **моментом** вступления в действие **внутреннего мотива** познавательной активности. Умозрительная постановка проблемы собственно и является **моментом рождения сознания, ее первичным** и наиболее важным **состоянием**.

Осознаются, конечно же, и нейтральные, не имеющие особого практического значения объекты и события. Сознание всегда наполнено каким-либо содержанием. Но для того, чтобы **воспринимаемое** вошло в **поле сознания**, его направленность должна быть определена каким-либо чувственным отноше-

нием, либо увязана с ним. Именно такая связь определяет **произвольность (намеренность) восприятия**, а значит и **произвольность внимания**. Именно такое восприятие обеспечивает сохранение в памяти ее содержания с последующим **произвольным воспроизводством**. Поле сознательного восприятия ограничено как ее **направленностью**, так и **периодом произвольной активности**.

Таким образом, **сознание** является процессом **произвольного чувственно-образного восприятия и воспроизводства (вспоминания) воспринятого (перережитого) с удержанием его в поле внимания, выделением особенностей отраженного содержания и направленным его преобразованием**. Иначе, мы идентифицируем **представление** с явлением сознания. Чувственное отношение как **идеальный когнитивный мотив**, выступая движущей силой воспроизводства и преобразования чувственных образов, когнитивных процессов в целом, **определяет их произвольность**. Будучи **следствием** субъективных психических процессов и **рождаясь произвольно, идеальный мотив** выступает **причиной** последующих уже **произвольных** мыслительных операций. Именно **произвольность когнитивных процессов** придает им **идеальность**.

Идеальная природа чувственных отношений существенно **преобразует образное мышление**, обеспечивая переход к следующему **этапу произвольности** когнитивных процессов. Воспроизводство и преобразование образов раннее воспринятого приобретает **независимость не только от наличной ситуации, но и от воспринятой реальности**. **Независимость образов представления от воспринятой реальности** заключается в том, что отраженное содержание может приобретать движение и преобразование независимое от реально воспринятого. Результаты преобразования эмоциональных образов могут перестать соответствовать содержанию воспринятого и уйти далеко от него. Начинаясь с преобразования образов в рамках сохранения фабулы воспринятого, возможен переход к свободному **воображению** на пути поиска реализации отраженной проблемы. Проблемы могут даже предполагаться, как и определяться вероятные пути их решения.

Когнитивные мотивы детерминируют и направляют процесс **преобразования отраженных образов** по пути определения тех свойств и отношений вещей, использование которых ведет к их реализации. Но могут придавать вещам несвойственные свойства и отношения, которые ведут к их мнимому осуществлению. Наиболее ярким примером представления является мечтание или воображение. Представление связей (отношений) и свойств вещей, отсутствующих в реальному восприятию, составляет процесс **воображения**, как специфическое проявление **аптерцептивно-образного мышления**. С.Д. Смирновым [4] отмечено, что восприятие просто невозможно без воображения. Восприятие и воображение действительно основаны на одном и том же языке сенсорных модальностей, и все же **именно воображение невозможно без восприятия**, как и без перехода когнитивных процессов на идеальный

уровень.

Крушинский Л.В. замечает, что животные способны к отражению отношений между объектами, к отражению некоторых простых эмпирических законов.[1] В образном (мотивационном) мышлении высших животных выводятся отношения преимущественно к *предметам потребностей*. Могут выводиться и *отношения окружающих вещей к предметам потребностей*, то есть к реализации соответствующих потребностей, что обуславливает их *вспомогательное использование*. Однако эмоциональные отношения к таким предметам *вне связи с действующей потребностью* у них не пробуждаются. Поэтому эти отношения в качестве *самостоятельных мотивов не выступают*, то есть **самостоятельного значения не приобретают**. По этой причине *применение* вспомогательных предметов высшими животными *ограничено* или сходными ситуациями, или рамками действия той же потребности. *Ограничено и изменение* таких предметов в плане приспособления их свойств к реализации действующей потребности. В образном мышлении человека, выводимые **опосредованные отношения вещей к его потребностям**, приобретают **самостоятельное значение**. Воспроизводиться эти отношения могут независимо от пробуждения потребности, в реализации которой были выведены. Поэтому чувственные отношения к объектам и факторам окружающей среды, *опосредованно связываемые с потребностями человека*, могут выступать в качестве **самостоятельных мотивов**. Иначе, *идеальная природа чувственных отношений* определила способность индивидуумов переносить использование вспомогательных предметов в неоднозначные ситуации. А преобразование таких предметов начинает переходить в системное, превращая их тем самым в орудия труда. В мышлении человека могут выводиться отношения вещей под действием лишь внутреннего когнитивного мотива вне связи с какими-либо иными потребностями. Произвольность когнитивных процессов набирает силу по мере накопления *опыта и навыков мотивации чувственными отношениями*.

Качественный скачок в развитии когнитивных функций и их произвольности связан с формированием *речи*. *Доречевое рождение сознания*, то есть способности представлять, заключалось в его «немом» выражении. Речевые знаки и символы обеспечили сохранение в памяти производимых *отвлечений* и соответственно способность *оперировать* ими. На основе **вербально-семантической памяти** речевые знаки и символы способны *пробуждать не только чувственные отношения и образы, но и выведенные отвлечения и отношения вещей в их отвлеченном выражении*. Лингвистические построения, таким образом, способны пробуждать гамму чувств и образов, выражать абстрактные идеи. У высших животных, коммуникативные знаки, которыми они обладают, также пробуждают соответствующие эмоциональные отношения и реакции. Однако, в чем и заключается принципиальное отличие их психики, с образами

раннее воспринятого они не связаны и соответственно их не пробуждают. Речевые знаки и символы, кроме того, могут обеспечивать ассоциативное воспроизводство других знаков и символов, а вместе с тем и связанных с ними чувственных образов, отношений и идей.

Идеальная мотивация определяет качественно *новый этап и в произвольности поведения*. Произвольность поведения высших животных связана с ее мотивацией со *способностью менять мотивы* поведенческой активности. Однако преобразование мотивов, их изменение или смена осуществляются **непроизвольно**. Даже *борьба мотивов* у них разрешается непроизвольно в зависимости от ситуационно обуславливаемого преобладания интенсивности противодействующих потребностей. Изменение значения воспринимаемых объектов внимания, включается в преобразование мотивации поведения также *непроизвольно*. *О выборе мотива здесь речи нет*. **Произвольность выбора мотивации** в определении *как поведения*, так и *когнитивной активности*, **возможна лишь при достаточном развитии внутренних мотивов**. Чувственные отношения вырабатываются не только к предметам потребностей, но и к нейтральным предметам и явлениям окружающей среды. Вырабатываются к действиям субъектов внимания, а в последующем и к своим собственным действиям, к своей персоне, к своим отношениям в том числе. Формирование таких отношений *расширяет сферу переключения внимания*. *Отношение к своим собственным отношениям обусловило возможность их соотнесения, преобразования и выбора более приемлемого в качестве мотива, в зависимости от видения перспектив и возможностей решения отраженных проблем*. Именно количество и качество чувственных отношений определяет **свободу выбора в мотивации поведенческой и когнитивной активности**, а, следовательно, и их **произвольность**. **Выбор возможен лишь при одновременном воспроизводстве различных связей (отношений) вещей, их удержании в поле внимания с их соотнесением и определением более целесообразного, более приемлемого в решении отраженной проблемы. Именно чувственные отношения определяют **природу эмоционально-волевой сферы**, а их качество – **уровень развития волевой функции**. В выборе мотивации и **заключается сущность воли**. В устойчивости выбранной мотивации **заключается сила воли**. Наибольшего **напряжения** воли требует переработка уже установившегося и действующего чувственного отношения в случае обнаружения ее неадекватности или не конгруэнтности.**

Действовать сознательно - значит действовать по умозрительно продуцируемому образу направленной активности. *Действовать осознанно (осмысленно)* - значит действовать сознательно с учетом вытекающих неоднозначных следствий определяемых применяемыми способами и наличными условиями реализации действующего мотива. Если на уровне бессознательного мышления уместен вопрос «Как поведет себя индивид?», то на

уровне сознательного мышления правомерен вопрос «Как поступит индивидуум»? **Поступок** - это произвольный поведенческий акт, обусловленный идеальным мотивом. Действуя сознательно, мы можем действовать неосознанно, то есть непродуманно. Действуя осознанно мы, все же, можем выходить за рамки намеченной цели, получая непредвиденный результат в следствии задействия еще не выявленных причинно-следственных связей. **Осознавать (осмысливать) что-либо**, значит находить причинно-следственные связи ведущие к нужному результату. При мотивации личного поведения, для исключения негативных следствий, необходимо учитывать причинно-следственные связи, определяемые дополнительными значениями вещей, то есть действовать осознанно.

Развитие сознания закономерно находит продолжение в осознании самих идеальных процессов. **Представления выносят их носителя за пределы наличной ситуации**, тогда как психика высших животных привязана к ней. Произвольность процесса воспроизводства и преобразования образов раннее воспринятого обуславливает выведение образной идеи **прошедшего (бывшего)**, как того, чего нет в непосредственном восприятии, но имевшего место. Конструирование образов реализации действующего мотива, умозрительного поиска путей его осуществления обуславливает формирование образной идеи **предстоящего**, как того, чего нет в непосредственном восприятии, и что отличается от имевших место воспроизводимых событий, то есть от воспроизводимого содержания. Иначе, как того, что связано с желаемым ходом событий и намеряемыми действиями. Вместе с выведением **образных идей** предстоящего и прошедшего более четко выделяется представление **настоящего**, как того, что дано в непосредственном восприятии. *Рождение представлений времени*, помимо этого, связано и со специфическими ощущениями процессов воспроизводства раннее воспринятого, непосредственного восприятия и конструирования образов предстоящей поведенческой активности, соответственно. Осознание **принадлежности восприятия настоящего, воспроизводимых событий прошедшего самому себе, осознание произвольности конструирования предстоящего, является моментом рождения самосознания.** Иначе, самосознание или образ своего Я рождается посредством *соотнесения чувственных образов и отношений* в их временной идентификации с **отражением неизменной связи с их обладателем - самим собою.** Именно этот момент и определяет *способность воспринимать факт наличия собственного сознания.* Составной частью самосознания является самочувствие, как соединение наличных ощущений, телодвижений, воспринимаемых внутренних и внешних изменений и связанных с этим желаний. Бессодержательного отражения не существует. Поскольку содержание сознания неизменно меняется, мы можем отвлечься от него, оставив в поле внимания лишь сам процесс оперирования этим содержанием, в том числе и отвлечениями. А это является

моментом развития самосознания уже *на уровне абстрактного мышления.* С развитием абстрактного мышления *представления* времени *преобразуются в понятия* прошлого, настоящего и будущего. *Самосознание*, таким образом, *является продуктом интроспекции*, где воспроизводство пережитого соединяется с восприятиями настоящего, наличным восприятием самого себя, отражением своего положения в окружающем мире и конструированием перспектив самоутверждения. Самосознание, по Гегелю «познающая себя сущность», без формирования представлений времени, то есть без временного различия отражаемого содержания не возможно. *Формирование представлений настоящего, прошедшего и предстоящего является моментом выделения человеком себя из природы, моментом превращения его в субъект самопознания.*

Произвольностью процесса *представления* и обусловлена способность интроспекции, то есть **отражения самого познавательного процесса.** С *переходом от образного мышления к абстрактному* связано *формирование отношений к своим собственным чувственным отношениям, рождение отношений к процессу познания.* На этой основе человек переходит к **произвольному формированию, преобразованию и воспроизводству чувственных отношений** выступающих в качестве **внутренних мотивов.** **Отношение к процессу познания** в свою очередь выступает **дополнительным мотивом познавательной активности.** Формирование абстрактного мышления, отношения к процессу познания, самосознания и явились **причинными факторами не просто произвольности, а свободы процессов мотивации.** Будучи следствием самопознания, **внутренние мотивы рождаются и преобразуются произвольно.** **Такая мотивация качественно преобразует и волевые процессы.** Речь теперь идет уже *не о силе воли, а о ее свободе, то есть способности произвольно направлять волю.* **Произвольность мотивации** определяет внутреннюю **духовную свободу личности.** Таким образом, человек обладает мышлением не только **мотивационным**, то есть определяющим (мотивирующим) поведенческую активность, но и **мотивированным**, то есть как определяемым идеальными мотивами, так и определяющим рождение самих мотивов к познавательной и практической деятельности.

Действие мотивов, рожденных в процессе произвольной познавательной активности, делает мышление **независимым от наличной ситуации.** **Произвольность формирования самих мотивов** делает его **независимым от воспринятой реальности.** Сами чувственные отношения принимают новую роль – роль целей, оценочных критериев и духовных потребностей. Чувственные отношения теперь действуют не только непосредственно, но и опосредованно, отсрочено и предполагающе.

Проявлением идеальности сознания является производство образов, содержание которых в объективном мире не существует, производство отвлечений не соответствующих объективной дискретности, формирование обобщений противоречащих

объективному общему, выведение отношений (связей) вещей не соответствующих объективным законам. *Идеальность сознания* проявляется и в том, что мы можем усомниться в истинности собственных, даже бесспорных знаний и идей, или можем принять плоды воображения за реально существующее. Мы можем представить любое содержание в чувственных образах и идеях, но пока не сам процесс представления или рождения идеи. Невозможность представления факта сознания определяет ее субъективную загадочность. При попытках уяснения сущности сознания методами наглядного познания, она неизменно ускользает, что создает иллюзию ее имматериальности. Феномен сознания не может быть представлен наглядно, поскольку физико-химические и физиологические процессы его обеспечивающие, то есть сам процесс представления, еще не был объектом живого восприятия. Наряду с другими авторами А.Н.Леонтьев приходит к заключению, что «Сознание, мышление, психика вообще несводимы к процессам, совершающимся в мозгу, и не могут быть непосредственно выведены из них». [2] Сведение действительно невозможно и в этом нет необходимости. Но причинно-следственная связь между ними существует, и она будет выведена. К примеру психопатологическая продукция, являющаяся субъективной реальностью, связана с нарушениями процессов совершающихся в головном мозге. Вслед за выведением связей субъективных феноменов с процессами совершаемыми в головном мозге, будет выявлена такая связь и с идеальными отражательными явлениями (образованиями). *Идеальное* - не антагонист материального, а ее особая форма существования в виде *произвольного отражения, самоотражения, и преобразования отраженного содержания*. Идеальное - не предметная материя, а материальный процесс отражения и как процесс неотделим от структуры. Идеальные образования могут быть исходящими из *объективной реальности*, к примеру: жидкость, металл, гравитация, электричество и т.д. Или из *субъективной реальности* (восприятие, мотив, знание, впечатление, вера, нравственность и др.). И в том и в другом случаях *идеальная продукция реальна*, хотя может быть *истинной* или *ложной, не соответствующей действительности*.

Сознание, являясь *идеальным отражательным процессом*, не непрерывно и однородно, но подвержено определенным изменениям и колебаниям. Помимо образного мышления идеальное познание включает в себя мышление абстрактное, обуславливающее осмысление природы вещей.[7] *Идеальное* выражается в чувственных образах, идеях и абстрактных построениях. Имея собственные законы функционирования, идеальные (сознательные) психические процессы базируются на субъективных отражательных процессах. А это обуславливает возможность перехода произвольных психических процессов к автоматическому (непроизвольному) их осуществлению. Закономерны и общеизвестны факты перехода к непроизвольному выполнению сознательно вырабатываемых

поведенческих актов. Произвольное осуществление познавательных функций может *сочетаться* с их непроизвольным течением. Произвольно выработанные чувственные отношения могут пробуждаться непроизвольно, вызывая соответствующий поток переживаний, определяя психоэмоциональное состояние человека. Воспроизводство образов раннее воспринятого может осуществляться непроизвольно, а удержание и преобразование произвольное, то есть сознательно. Сознательно выполняемые и усвоенные отражательные процессы могут *переходить* на непроизвольный «*бессознательный*» уровень. Как это ни парадоксально, состояние сознания может выражаться в периодически непроизвольном течении абстрактного мышления. Явления интуитивного озарения, факты отражения в сновидениях сознательно выработанных стремлений и чувственных отношений также свидетельствуют об этом. Само течение сновидений является непроизвольным, хотя содержание их определяется пробуждаемыми чувственными отношениями, выражающими раннее пережитое и произведшими наиболее существенное влияние на психоэмоциональное состояние субъекта. Карл Юнг мучительно искал в содержании сновидений сущность подсознательного. Но само состояние сновидений и является его проявлением. Состояние сновидений, собственно, подобно «первобытному» состоянию сознания, поскольку образы сновидений как правило гиперболизированы. Сфера *подсознательного*, ее сущность, таким образом, определена явлениями сочетания и взаимоперехода идеального и субъективного. *Интуиция*, помимо переноса выведенных значений и связей вещей на иную ситуацию, заключается и в непроизвольной подсознательной активации познавательных процессов. Усвоенные познавательные процессы оказывают *обратное влияние* на дальнейшее течение психических процессов, как и на самого субъекта познания.

Резюме: Если рождение психики, в эволюционном развитии живых существ, определена формированием чувствительности, иначе сенсорики, то субъективность явилась результатом обеспечения психическими структурами когнитивных функций. Феномен *знания* обусловлен не просто отражением какой-либо информации, а определением ее значения для субъекта познания. Функция воспроизводства раннее воспринятого и процесс представления, не смотря на их общую основу, имеют принципиальное различие. Представление является не просто субъективным, но уже идеальным феноменом и отождествляется с явлением сознания. Генез *сознания (идеального)* основан на приобретении и развитии произвольности познавательных процессов. Способность представления определена развитием у человека долговременной образной памяти и преобразованием эмоциональных отношений в чувственные. Чувственные отношения и выступают в качестве внутренних мотивов познавательных процессов, обуславливая их произвольность. Этапы становления произвольности образного мышления и явились этапами становления созна-

ния. Соотнесение образов и чувственных отношений в их временной идентификации с их принадлежностью самому себе и явилось моментом рождения *самосознания*. Формированием отношений к своим собственным отношениям, к процессу познания обусловлена *произвольность* самой *мотивации* поведенческой и познавательной активности. Произвольностью мотивации и составляет внутреннюю свободу личности.

Список литературы:

1. Крушинский Л.В. Биологические основы рассудочной деятельности. М.; Изд-во МГУ, 1977. 271с.
2. Леонтьев А.Н. «Сознание». М., 1968.
3. Общая психология и психология личности / под ред. А.А. Реана. СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК,

2009.

4. Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. Изд-во Московского университета, 1985.

5. Тихомиров О.К. Теоретически проблемы исследования бессознательного. Вопросы психологии, 1981, №2, С.31-40.

6. Тапбергенов С.О. Бессознательные психические процессы и мышление животных. Изд-ий Центр Научного просвещения. Приволжский научный вестник №6, 2016.

7. Тапбергенов С.О. Мышление и речь в их развитии и преобразовании. Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Журнал научных публикаций № 09 (Сентябрь) Часть I. Москва 2017.

VOL 1, No 15 (2019)

Österreichisches Multiscience Journal (Innsbruck, Austria)

The journal is registered and published in Austria.

The journal publishes scientific studies, reports and reports about achievements in different scientific fields.

Journal is published in German, English, Hungarian,

Polish, Russian, Ukrainian, and French.

Articles are accepted each month.

Frequency: 12 issues per year.

Format - A4

All articles are reviewed

Free access to the electronic version of journal

Edition of journal does not carry responsibility

for the materials published in a journal.

Sending the article to the editorial the author confirms it's uniqueness and takes full responsibility for possible consequences for breaking copyright laws.

Chief editor: Fabian Huber

Managing editor: Daniel Müller

Matthias Leitner - Leopold-Franzens-Universität Innsbruck

Moritz Winkler - Universität Salzburg

Philipp Mayr - Johannes Kepler University

Sebastian Berger - Medizinische Universität Wien

Sophia Hartl - Technische Universität Graz

Jonas Aigner - Alpen-Adria-Universität Klagenfurt

Elias Holzer - Donau-Universität Krems

Simon Lackner - Fachhochschule Wiener Neustadt

Marie Brandstatter- Fachhochschule Technikum Wien

Julian König - Management Center Innsbruck

«Österreichisches Multiscience Journal»

Editorial board address: Universitätsstraße 22, 6020 Innsbruck, Austria

E-mail: editor@osterr-science.com

Web: <http://osterr-science.com>